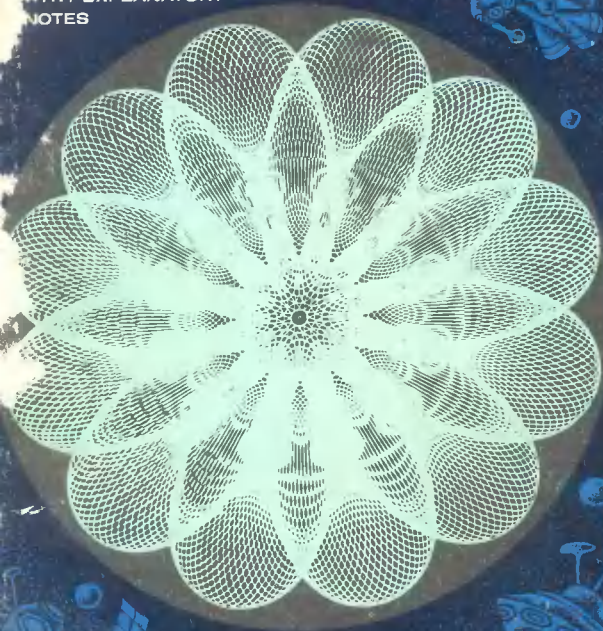

RUSSIAN
READERS
WITH EXPLANATORY
NOTES

ФОРМУЛА НЕВОЗМОЖНОГО

ФОРМУЛА НЕВОЗМОЖНОГО

FORMULA FOR THE IMPOSSIBLE

*Science Fiction
Collection*

Russian
Readers
with Explanatory Notes

Moscow
Russian Language Publishers
1980

ФОРМУЛА НЕВОЗМОЖНОГО

*Научно-фантастические
рассказы*

Книга
для чтения
с комментарием
на английском
языке

Москва
Издательство «Русский язык»
1980

81.2Р-9
Ф 79

Состав и адаптация В. Лысенко
Оформление К. Борисова
Комментарий Е. Чекалиной
Перевод Г. Уайзера

4602010000

70102-010
Ф 015(01)-80 118-80

© Издательство «Русский язык», 1980

Contents

- 6 Preface**
- 7** В. Бахнов. Рассказ человека, который был гением
V. Bakhnov. The Man Who Was a Genius Tells his Story
- 9** А. Днепров. Интервью с регулировщиком уличного движения
A. Dneprov. Interview with a Traffic Policeman
- 12** А. Днепров. Разговор с чужой тенью
A. Dneprov. Conversation with Someone Else's Ghost
- 22** А. Горбовский. Человек за бортом
A. Gorbovsky. Man Overboard
- 27** Д. Билénкин. Сломался эскюдер
D. Bilenkin. The Escuder Broke Down
- 30** Кур. Булычëв. Разум в плену
Kir. Boulytchev. Reason Made Captive
- 41** В. Бахнов. Кое-что о чертовщине
V. Bakhnov. A Little of Devilishness
- 45** М. Чудакóва. Пространство жизни
M. Chudakova. The Space of Life
- 52** Д. Билénкин. Случай на Оме
D. Bilenkin. What Happened on Om
- 55** Е. Войскунский, И. Лукодянов. Фóрмула невозможного
E. Voitskunsky, I. Loukodianov. Formula for the Impossible
- 70** М. Емцев, Е. Парнов. Снежок
M. Emtzev, E. Parnov. Snowball
- 81** А. Мíрер. Обсидиáновый нож
A. Mirer. The Obsidian Knife
- 92** А. Стругáцкий, Б. Стругáцкий. Чрезвычайное происшествие
A. Strugatsky, B. Strugatsky. The Emergency

Preface

For many a reader this book may prove to be a first encounter with Soviet science fiction. Undoubtedly, it is difficult to give in one book a complete picture of a relatively large part of the literature so popular with readers. Despite the diversity of subjects and topics, typical of the Soviet science fiction, its main distinguishing feature has always been the humanistic trend.

Soviet science fiction reached its peak in the last two decades. The appearance of *The Andromeda Nebula* by the prominent science fiction writer and scientist I. Efremov is considered the beginning of this new period. This novel accumulated the best features inherent in the Soviet science fiction, faith in the mind of man, in his wonderful future.

Many prominent writers have approached the topic of science fiction. It will suffice to recall *Aelita* and *The Hyperboloid of Engineer Garin* by A. Tolstoi.

After *The Andromeda Nebula* there appear in science fiction many authors who significantly widened the topical potential of science fiction. A number of short stories by contemporary authors are included in the present collection. What is common about the authors of this book is that mostly they are not only writers, but also scientists: physicists, chemists, geologists, engineers, etc. And it is quite in order, for science fiction helps scientists ascertain links between abstract and material formulae and the human being, man with his anxieties and aspirations.

For a scientist science fiction becomes a screen where he projects various situations and shows possible negative results of the technological progress.

Science fiction often forecasts future. The word "robot" was coined by the Czech writer Karel Chapek long before the cybernetics as a science appeared. Nowadays, again, science fiction forewarns: "Beware—robots". However, a contemporary science fiction writer does not see the danger in robots' revolt; he sees it in their becoming excessively thoughtful of men. E. Voiskunsky and I. Loukodianov in the story *Formula for the Impossible* show what may result in that "thoughtfulness".

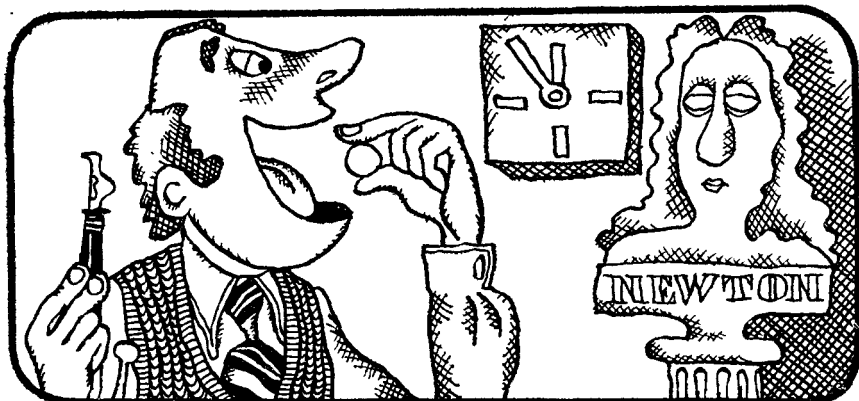
Like many others, the problem of contacts with other civilizations was also brought up by science fiction. However, it has now become the domain of the Great science. Several stories of the present collection are devoted to this subject. Nevertheless, an attentive reader will immediately recognize the feature associating these stories so different in writer's style—the irony, common among the authors when they tackle the subject. This, also, is quite in order, because it is the science fiction which paved the way for sensations like "flying saucers" and the mysterious Bermuda Triangle, as well as for hypotheses about strangers from other planets, who allegedly built great ancient constructions.

Science fiction calls us, warns us, foretells and urges to be careful, thus giving us an opportunity to opt for a better future.

Such popular subjects of the contemporary science fiction are also represented in this collection: there are travels in time (*Snowball* by M. Emtzev and E. Parnov, *The Obsidian Knife* by A. Mirer, *The Space of Life* by M. Chudakova) and travels in space (*The Emergency* by A. and B. Strugatsky).

The stories are slightly adapted; however, the compiler has preserved the creative style of the authors with minimal losses.

The book is intended for a wide circle of readers who have mastered about 3000 most commonly used Russian words. The words not included in that vocabulary are given in translation. Most important phenomena are explained in the notes given in English.

В. Бажнов

Рассказ человека, который был гением

Вчера я слышал разговор в аптеке: в продажу скоро поступит (will soon be on sale) новый препарат — озарин *. Этот препарат на пять минут делает человека гением. Желающие приобрести (buy, acquire) его записываются в очереди (register in the queue).

Озарин был синтезирован моим другом несколько лет назад. В то время нигде и ни за какие деньги нельзя было его достать. Озарин получали медики, экономисты, агробиологи, правда, с согласия Организации Объединённых Наций.

Я же был всего-навсего (mere) инженер в области автоматики. Правда, я уже много лет работал над одним изобретением (invention), которое казалось мне очень важным. Но всё дело в том, что у меня была лишь общая идея, а принцип её практического осуществления (practical realization) постоянно ускользал (evaded) от меня.

Мой друг решил прийти мне на помощь.

— Я знаю, — сказал он, — что ты уже десять лет ищешь решение очень трудной задачи. Таблетка озарина поможет тебе с блеском завершить твой труд.

— Но действие таблетки продолжается всего пять минут.

— Ну и что? Пять минут гениальности — это более чем достаточно для любого открытия. Конечно, если бы Ньютон не обдумывал загадку тяготения (gravitation) и раньше, то вряд ли гениальное озарение (conception) пришло к нему при виде падающего яблока. Но ведь сам момент озарения занял не более минуты.

А у тебя будет пять таких минут. Столько лет ты вынашивал свою идею (matured the idea), накопил такое количество информации, что тебе достаточно будет мгновенного озарения, и ты увидишь решение проблемы.

И я сам, и все мои друзья не сомневались (didn't doubt) в том, что я талантлив и удачлив (lucky). В институте гордились мной, а изобретение, которому я отдал десять лет и которое считал главным делом своей жизни, могло принести мне в один прекрасный день настоящую славу. И таблетка озарина должна была приблизить этот день.

С волнением принял я от своего друга чудодейственную (miracle-working) таблетку. Как только друг мой ушёл, я сел за письменный стол и положил перед собой стопку (stack) чистой бумаги, чтобы записывать все гениальные мысли, какие только придут мне в голову.

Я проглотил таблетку и стал с нетерпением (anxiously) ждать, как проявится моя гениальность и какие великие истины (truths) откроются мне.

Озарин оказался действительно волшебным средством (magic agency). В тот же день я довёл до конца многолетнюю работу, увидел то, чего никто не замечал раньше, и великие истины открылись мне...

Уже в первую минуту действия озарина я увидел, что моё изобретение не стоит ломаного гроша * и ничего не меняет в современной автоматике.

Во вторую минуту я с гениальной ясностью увидел, до чего я бездарен (dull, lacking in talent).

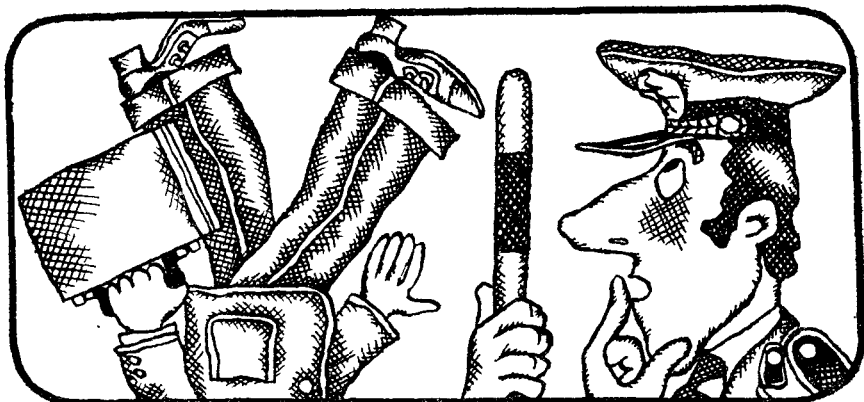
Три оставшиеся минуты я вдохновенно (enthusiastically) писал заявление (request) на имя директора нашего НИИ (научно-исследовательского института). Я просил разрешения прекратить работу над изобретением. Все говорили потом, что заявление было написано гениально...

Всё это вспомнилось мне, когда я услышал разговор о предстоящем поступлении в продажу (be on sale) нового препарата и о том, что желающие приобрести его записываются в очереди...

Что ж, пусть покупают. Озарин — надёжное (reliable) средство.

озарин (*from the verb озарить*), a fantastic medicine which makes a person into a genius

не стоить ломаного гроша (*saying*), not worth a farthing

А. Днепров

Интервью с регулировщиком уличного движения

- Одну минутку, гражданин, задержитесь (stop).
 - Я вас слушаю.
 - Вы прошли на красный свет.
 - Простите, я дальтоник (colour-blind). Для меня всё равно, какой свет.
 - Но вообще-то вы свет видите?
 - Конечно.
 - В таком случае вы не могли не заметить, что горел верхний свет, а это значит красный.
 - Это логично, но...
 - Что?
 - Дело в том, что я ... как бы это вам объяснить... часто путаю (mistake, confuse) верхний свет с нижним.
 - Перестаньте, гражданин, хитрить, лучше заплатите штраф.
 - Вы знаете, что человеческий глаз — это линза?
 - Это знает любой школьник. Ну и что?
 - В глазу изображение перевёрнуто...
 - Да, но...
 - Правильно, у большинства людей, то есть почти у всех, изображение, перевёрнутое в глазу, ещё раз переворачивается в мозгу.
 - Да, но...
 - А у меня оно переворачивается только в глазу.
- Регулировщик застыл (stood stock-still) с открытым ртом. Затем неуверенно спросил:

— Вы хотите сказать, что вы всё видите э-э... вверх ногами (upside down)?

— Да, совершенно верно. Будьте добры, не задёньте (step on) моего лица своими ботинками.

Регулировщик сделал шаг назад.

— А вы не придумали всё это, чтобы не платить штраф?

— Но ведь глаз — линза?

Регулировщик задумался.

— Вот что, — наконец сказал он. — Пойдёмте, пусть разберётся (decide) начальство (senior officer).

Они пошли. Внезапно (suddenly) регулировщик остановился.

— А вам при вашем зрении не трудно ходить?

— Как сказать. Мне надоело видеть ноги вверх. И дорогу вверх. От этого болит шея.

Начальник выслушал сделанный шёпотом доклад (report) регулировщика.

— Чепуха (nonsense). Такого не может быть. Скажите, где мой голова?

— Вон там, внизу.

— Ничего подобного, вы сами показываете пальцем вверх!

— Для вас это верх, а для меня — низ.

— Гм-м. Значит, вам кажется, что вы ходите вверх ногами?

— Нет. Это вам кажется, что вы ходите вверх головой. У меня всё нормально, как в учебнике физики... Господи, опять ваши ботинки возле моего лица. Прощу вас...

— Хорошо, я отойду... Между прочим, я каждый день чищу ботинки. Ещё один вопрос: как вы пьёте и едите?

— Как? Обычно, как все.

Начальник обрадовался.

— Если бы всё было так, как вы рассказываете, то любая жидкость лилась бы мимо вашего рта!

— Ну, знаете! Вам, видимо, неизвестен закон тяготения (law of gravity).

— То есть?

— Жидкость никогда не выльется из-за своей тяжести.

— Куда же она, по-вашему, притягивается (attracted)?

— Вон туда, вверх.

— Вы снова показываете вниз!

— Я уже вам объяснял...

— Ах, да...

Начальник решил прибегнуть к хитрости (play a trick). Он взял со стола газету.

— Ну-ка, почитайте, что здесь написано.

— Пожалуйста. Атнодносеррок огешан илисорпоп ым...

— Вы что, читáете с нíжнего прáвого угла́, спрáва налéво вверх?

— А кáк же ина́че?

— И вам всё éто поня́тно?

— Разуме́ется (of course, naturally).

— И вы счита́ете éто нормáльным — ви́деть всё вверх нога́ми?

— Стрáнный вопро́с. Именно éто я и счита́ю нормáльным. А вот то, как ви́дят остальные...

— Зна́чит, по-ва́шему, мы ненормáльные? Но ведь нас больш́инствó!

— Ну, éто ещё не аргу́мент...

— М-да. Скажи́те, а вам не приходи́ло в го́лову приспособи́ться (to adapt yourself) ко все́м?

— Что вы име́ете в виду́?

— Ну, чтóбы верх стал нíзом и прóчее...

— О да, коне́чно. В мо́лодости.

— И что вы для éтого де́лали?

— Занима́лся акробáтикой. Пыта́лся ходи́ть на рука́х. Как йог, часáми стоя́л на голо́ве.

— Ну и как?

— Мне не́сколько раз наступи́ли на́ руки... Прости́те, о́пять ва́ши боти́нки...

Нача́льник и регули́ровщик сде́лали не́сколько шаго́в в сто́рону.

Зате́м регули́ровщик сказа́л:

— Я вас провожу́. Осторо́жно, здесь у нас наверху́, то́ есть на ва́шем низу́, болта́ется (is hanging) лю́стра. Сли́шком нíзко. Не заде́ньте её нога́ми. Зна́ете, я, ме́жду прóчим, пишу́ диссертáцию. Вы бы могли́ мне помо́чь. Редкий слúчай в правовóй прáктике (law, legal practice). Вы разреши́те мне кáк-нибудь зайти́ к вам?

— Отче́го же, пожа́луйста. Запиши́те а́дрес. Впрóчем, я живу́ вот в éтом семиэта́жном до́ме, на послед́нем эта́же. Лу́чше всего́ заходи́ть с крýши, через второ́е окно́ от прáвого угла́...

Регули́ровщик исче́з в темноте́.

А. Днепров

Разговор с чужой тенью

1

В институте было известно, что я и профессор Касьянов, заведующий нашей лабораторией, — «теоретические враги». Когда кому-нибудь из нас надоедала (sick and tired of) работа над новыми схемами, он искал другого, чтобы поспорить с ним. Касьянов снисходительно отзывался (speak condescendingly) обо мне так:

— Парень молодёй, но не в меру консервативный. А в общем генерирует идеи и с ним не скучно.

Касьянов был убеждён, что создать машинную модель человеческой «души» (soul) возможно. Я возражал ему.

— Дорогой мой мальчик, — говорил шеф, — вы безнадежный (hopeless) идеалист. Человек — существо материальное, и у нас нет никаких оснований (reason) отказаться от попытки создать его модель, тождественную оригиналу.

— Допустим, — говорил я, — что можно создать искусственное существо (creature), которое будет имитировать человеческое мышление (thinking), будет более точно решать математические и логические задачи. Но чувства, эмоции, душа — это уже вне пределов машинного моделирования.

Касьянов хитро щурил (squinted) глаза.

— Знаете, в чём разница между конечным и бесконечным? Я вам скажу. Конечное — это то, что мы знаем, хотя бы в принципе. А бесконечностью мы называем то, чего не знаем. Или лё-

нимся знать. Мы говорим: люди бывают гениальные, умные, средние, глупые и так далее. В словах «и так далее» скрыто наше нежелание или неумение анализировать, понять, какие ещё бывают люди. И так всегда. Если существует бесконечное множество объектов, о которых мы понятия не имеем (have no idea), то словечками «и так далее» мы прикрываем своё невежество (ignorance).

— Не понимаю, какое это имеет отношение...

— Просто вы, мой мальчик, подсознательно (subconsciously) отнёсите чувства, эмоции и всё, что именуется (is called) душой, к разряду (category) «и так далее». Кстати, я бы на вашем месте вообще не касался (get involved) таких вещей. Вам уже далеко за тридцать, а вы всё ещё не женаты. Как видно, эта обычная человеческая слабость попала у вас в «и так далее»...

Нашим спорам, казалось, не будет конца...

Институт, в котором мы работали, быстро рос. Были построены два новых четырёхэтажных здания, и сотрудники (researchers) получили новые, просторные лаборатории. Увеличился штат (permanent staff). Моёй группе дали три новые «единицы»: двух молодых дипломников* из Института высшей автоматики и лаборантку (lab assistant) Галину Гурзо.

Дипломники работали молчаливо и упорно (stubbornly). Они оставались в лаборатории после окончания рабочего дня и проверяли на приборах (instruments) результаты своей работы. На следующее утро дипломники ломали головы (racked their brains) над созданием новых схем и производили новые расчёты.

Галина занималась анализом развёрнутых формул логических функций, по которым наша лаборатория должна была создать новую вычислительную машину со многими параллельными входами.

Ровно в 16.00 Галина откладывала тетради в сторону и быстро покидала лабораторию.

— Куда вы всегда так торопитесь? — как-то спросил я.

— Домой. У меня дома много дел, — скороговоркой ответила (rattled) она.

— Откуда эта девушка? — спросил я одного из дипломников.

Он поднял на меня усталые от напряжения (strain) глаза и ответил:

— Не имею представления (I haven't the least idea).

При встрече с Касьяновым я обратился к нему с тем же вопросом. Он сказал, что её перевели к нам из одного научно-исследовательского института, и тут же сообщил мне, что скоро напишет уравнения всех моих эмоций, чувств, увлечений (passions) и так далее. Я не стал ему возражать, потому что в это время мне пришла в голову интересная мысль: что если кроме меня есть

в институте люди, которые не разделяют идей Касьянова? Что если у меня есть союзники (allies)? Надо попытаться их найти. Посмотрим, что думает, например, эта новенькая, Галина Гурзо.

— Конечно, это чепуха (nonsense), — сказала она спокойно, когда я объяснил ей суть своих разногласий (differences) с профессором Касьяновым. — Типичный бред (raving) раба науки. Впрочем, эта глупость уже давно в моде.

Мы сидели совсем рядом. Я украдкой рассматривал (stole a look) её лицо. Вздёрнутый носик (turned up nose), каштановые волосы, на щеках чистый, свежий румянец (flush), большие бездонно-голубые глаза. От неё шёл аромат неизвестных мне духов и веяло (there was an air of) спокойствием.

— Подобную чепуху, — продолжала она, медленно перебирая тонкими пальцами страницы какой-то книги, — я слышала много раз. Но пропагандисты (champions) этой идеи не понимают одного: всякие попытки создать алгоритмы человеческих чувств приведут к такому усложнению структуры автоматов, что если даже будет достигнут какой-то успех, автомат сможет вести себя по-человечески только будучи огромных размеров.

— Вы давно занимаетесь теорией выших автоматов?

— Да нет, не очень.

— Вам нравится у нас?

— В общем, да. Только люди у вас какие-то скучные.

— Я тоже скучный?

Она улыбнулась.

— Вы мой начальник, и мне нельзя думать о вас плохо...

Ни с того ни с сего (out of the blue) я вдруг выпалил:

→ Галина, если сегодня вечером вы свободны, идёте в кино.

Она вздрогнула (shuddered).

— Сегодня? С вами?

— Ну, конечно.

Она задумалась.

— А это далеко?

— Да рядом совсем, — обрадовался я.

— Хорошо, идёте.

В фойе кинотеатра я неожиданно увидел обоих дипломников, они насмешливо поглядывали в нашу сторону и о чём-то шептались.

«Ну и молодёжь пошла!» (those young people nowadays!), — с негодованием (indignation) подумал я и, чтобы скрыть досаду (annoynance), обратился к Галине:

— Вы любите кино?

— Я не очень хорошо понимаю этот вид искусства. Мне кажется, кино — это искусство искусно (skilfully) лгать. Бесконеч-

ная серия фотографий. Меня всегда немножко раздражает (I am irritated) то, что на фотографиях люди не настоящие.

— Да, но сила и очарование (charm) актёра как раз и заключаются в способности перевоплощаться (to transform himself), становиться совершенно другим человеком...

— В этом всё дело. Что бы вы сказали об автомате, который сегодня выдаёт вам стакан с сиропом, а завтра подметает улицу? Такой автомат никому не нужен.

— Ага, только я начал думать, что вы мой единомышленник (ally), а вы уже ставите знак равенства (identify) между человеком и автоматом!

— Нет, не торопитесь с выводами. Я просто не представляю, как человек, которому дана одна жизнь и одна линия поведения, может сразу жить несколькими жизнями. То он товарищ Иванов, то Отелло, то Дон-Кихот, то космонавт. Кто же, в таком случае, он?

Я не мог спорить с нею: ведь сегодня у нас было первое свидание!

Во время сеанса (performance) я почти не смотрел на экран. В полумраке был виден её строгий профиль. Она сидела напряжённо и смотрела на экран, не отрываясь.

Когда мы вышли из кинотеатра, Галина попросила, чтобы я её не провожал.

— Скажите хоть, где вы живёте?

— Там...

Она улыбнулась и неопределённо махнула рукой.

Я видел, как она вошла в троллейбус, и вдруг мне показалось, что два парня, вскочившие за нею в троллейбус, — мои дипломники...

2

Через день утром профессор Касьянов вызвал меня в свой кабинет. Старик был явно не в духе (out of sorts).

— Садитесь, — сказал он тоном приказа. — И прошу вас объяснить, на каком основании вы решили проводить в институте научно-техническую политику, идущую вразрез (in opposition) с моей?

— Простите, я вас не понимаю, — проговорил я, медленно поднимаясь.

— Сидите! Всё вы прекрасно понимаете. Ваши личные отношения с Галиной Гурзо меня не интересуют. Но у вас нет никакого права навязывать молодым людям свой консервативные взгляды. Гурзо талантливая девушка, я жду от неё очень много. Более

того, я поручил ей выполнить одно важное расчётное задание, после которого весь ваш идеализм развеется как дым (go up in smoke).

— Да, но я имею право...

— Лично вы — да, — перебил меня Касьянов. — Вам много лет, и вас уже ни в чём не переубедишь (convince). Но навязывать (foist) свой взгляд молодым сотрудникам я вам не разрешаю!

Я почувствовал, что бледнею.

— Послушайте, профессор. Даже ваше звание (title) и положение (position) не дают вам права указывать мне, где, кому и что я могу или не могу говорить. Позвольте мне по любому вопросу иметь собственное мнение и высказывать его при тех обстоятельствах, которые устраивают прежде всего меня!

Взбешённый (infuriated) я вышел и вернулся в лабораторию. Подойдя к столу Галины, я громко, чтобы все слышали, спросил:

— Чем вы сейчас занимаетесь?

Она протянула мне свои записи.

— Вот новый алгоритм эмоциональной динамики человека. Разработка (solution) профессора Касьянова.

Я вырвал из её рук бумаги.

— Бросьте заниматься чепухой! Мы здесь не для того, чтобы проверять сомнительные (dubious) идеи!

— Я ему сказала то же самое...

— Вы — ему?!

— Да. Когда он объяснил мне содержание работы, я сказала, что это чепуха.

Я смотрел на неё с изумлением (amazement). «Так вот почему старик так возмущён», — мелькнуло (flashed) у меня в голове.

Несколько секунд я стоял в нерешительности (undecided). Мне показалось, что за моей спиной кто-то хихикнул (giggled). Я обернулся и увидел, что дипломники сосредоточенно (intently) склонились над своими схемами.

— Ладно, Галина, — сказал я. — Продолжайте работу. А вообще... Я бы вам не советовал разговаривать с профессором в таком неуважительном тоне...

Она едва заметно улыбнулась.

— Вот ещё один элемент, которого он не предусмотрел (overlooked) в своём алгоритме...

— Какой?

— Способность человека к компромиссам со своей совестью.

За спиной у меня раздался уже громкий смех. Мне ничего не оставалось делать, как немедленно покинуть лабораторию. До конца рабочего дня я просидел в библиотеке.

Теперь она будет думать, что я беспринципный человек. Надо во что бы то ни стало объясниться с ней...

Выйдя из института, я сразу увидел Галину. Она шла в сопровождении (accompanied) обоих дипломников, которые весьма оживленно что-то говорили ей, размахивая руками.

— Галина! — крикнул я.

Все трое оглянулись. Вдруг один из парней схватил Галину за руку и они побежали от меня прочь (away). Я был в совершенном недоумении (bewildered).

После этого случая я несколько дней подряд был подчеркнута (conspicuously) сух и официален со всеми сотрудниками лаборатории и особенно с Галиной. Иногда я делал ей резкие замечания (sharp rebuke), и она удивленно и укоризненно (reproachfully) смотрела на меня...

Однажды я задержался в лаборатории после работы. Все сотрудники разошлись, и в лаборатории царил (reigned) полная тишина. Вдруг я почувствовал, что не один. Я огляделся и в самом дальнем углу, за маленьким столиком, увидел Галину. Она сидела, уронив голову на руки (with her head in her hands), плечи её вздрагивали. Я быстро подошёл к ней.

— Галина, что с вами? — спросил я, тронув её за плечо.

Она вскочила и отшатнулась (shrank back).

— Не подходите ко мне, не трогайте меня, — прошептала она.

— Хорошо, только объясните, почему вы плачете? Кто вас обидел?

— Вы.

— Я?

— Да, вы. Я была на вашей стороне, я защищала ваши убеждения (convictions), как могла. А теперь мне тяжело... Очень тяжело...

Я засмеялся.

— Не принимайте всё так близко к сердцу (Do not take this all to heart).

— Вам легко говорить. А я молодая и глупая. Я не знаю и тысячной доли того, что знаете вы или профессор Касьянов. И я верила вам. А вы...

— Ну что вы, Галина, не надо так... Пойдёмте погуляем.

Она недоверчиво (mistrustfully) посмотрела на меня и вдруг улыбнулась.

— Пойдёмте.

Мы прошли парком к реке и сели на скамейку над обрывом (at the edge of a precipice).

В свете вечерней зари (twilight) её лицо казалось мне удив-

тельно красивым. «Милая», — подумал я. Мне захотелось обнять её, но она порывисто (violently) отвела мою руку.

— Не вужно... Мы ещё так мало знакомы...

— Вы знаете, почему я на вас рассердился?

— Знаю. Потому что вы увидели меня в обществе этих ваших дипломников. Вы ревнивы (jealous).

— Да. Вы правы. Это было глупо и гадко (nasty).

— В тот вечер они просто решили показать мне весь институт. Это было так интересно.

Я слушал её, как слушают прекрасную музыку...

Когда мы поднялись со скамейки, кусты позади громко затрещали. Я увидел, как там, в полумраке метнулась (flitted about) неясная тень. Неужели опять дипломники? Ну что за наглецы (impudent fellow)!

— Неслыханная дерзость (cheek), — прошептал я.

Галина как-то странно засмеялась. Домой проводить её она не разрешила.

3

С Касьяновым мы встретились только через неделю, когда лаборатория закончила работу по изготовлению (manufacture) микроминиатюрной веройтностной памяти. На столе у Касьянова лежал небольшой кубической формы блок, вмещающий миллионы искусственных нейронов. Касьянов любовно гладил блок рукой.

— Так вот что я хочу сказать вам, любезный друг, — заговорил он с обычной своей снисходительностью (indulgence). — Ваши возражения (objections) относительно того, что самые тонкие эмоциональные движения так называемой души не могут быть алгоритмизованы и запрограммированы, не выдерживают никакой критики (don't hold water).

— Доказательства (proofs)?

— Пожалуйста. Вот вы убедили неопытную девочку, вашу Галину, что я, выживший из ума (senile), старый дурак. И что же? Ваша поклонница (admirer) убедилась в обратном! Вам она просто поверила, а меня поняла. Чувствуете разницу?

— Пока нет.

— Она толковая (intelligent) девочка, эта Гурзё. У неё гибкий аналитический ум. Когда я предложил ей модель работы подсознания (subconscious), когда она разобралась (made out) в существе дела, — она поняла, что вы не правы!

— Этого не может быть!

— Всё может быть, мой мальчик, всё может быть... Возьмите-ка её рабочую тетрадь и почитайте.

Я был потрясён. Моя Галина в лагере противника (the enemy)!

— Профессор, — сказал я, стараясь быть спокойным, — вы можете доказывать на бумаге что угодно (whatever you please), но вы не можете переложить на бумагу мои чувства. Понимаете? Я люблю её.

Касьянов поднял брови.

— Вы это серьёзно?

Он казался обеспокоенным (worried).

— Ну что ж. Тогда я вас больше не задерживаю.

Я вернулся в лабораторию и взял рабочую тетрадь Галины. С удивлением я обнаружил, что её математические познания превосходили (exceeded) всё, что можно было ожидать. Я почувствовал себя неловко (uncomfortable). Почему я раньше не присмотрелся к её работе, не узнал как следует, чем она занимается? Пока я читал, Галина внимательно следила за мной. Наконец не выдержала:

— Интересно, правда, Виктор Степанович? Что ни говорите, а наш старый учитель — гений!

— А вы — предательница (traitor).

— Нет, просто я решила ничего на веру не принимать. Касьянов представил доказательства.

— А вы знаете, это не доказательства. Это бумага. В нашем споре доказательством может стать только прямой эксперимент.

— Вы рассуждаете как настоящий эмпирик.

Я вдруг остро почувствовал, что потерял единственного союзника.

— Как быстро вы меняете свой взгляды (views), — произнёс я. — Ведь вам, в сущности, никто ещё ничего не доказал.

Я положил тетрадь и пошёл прочь, но вдруг она порывисто встала и шагнула ко мне.

— Не сердитесь на меня. Я сама не знаю, что говорю... Я бы очень вас просила...

— Что? О чём?

— Пойдёмте сегодня вечером гулять...

Я не верил своим ушам.

— Хорошо, — сказал я, боясь показать свою радость. — Я вас буду ждать на той самой скамейке, на берегу реки. Только, пожалуйста, не задерживайтесь.

Она улыбнулась и кивнула.

4

За рекой догорал осенний закат (sunset). В плавных (smooth) и широких волнах реки отражалось пурпурное (purple) небо, а порывы (gusts) ветра раскачивали ветки пожелтевших клёнов и стряхивали (shook down) на землю жёлтые и бурые листья.

Зажглись первые звёзды, и мир стал быстро погружаться (sink) в осенний сумрак (dusk)...

...Голова Галины лежала на моём плече, я обнял её за талию и удивился, какая она тоненькая и хрупкая (fragile). Мы молчали; мне казались ненужными и далёкими споры с Касьяновым; мне представилось, что то же самое думает она!..

Вот он, большой, миллионноголовый мир человеческих чувств! Он разлился в седом тумане, он плещется (splashes about) в бесчисленных блёстках (flashes) беспокойной воды, в которую смётрит безоблачное осеннее небо. Он волнуется в далёком шуме городского транспорта. Он трепещет (flutters) в неровном дыхании сидящей рядом со мной девушки, которая верит, сомневается (doubts), ищет, любит... Он во всём.

Я на мгновение (instant) представил себе другой мир — мир, в котором всё кончено, где всё познано (known) до конца. В таком мире у человека всего пять чувств...

Я представил этот унылый (dull) однообразный мир и усмехнулся про себя. Конечно же, мы должны быть благодарны природе за её бесконечность (infinity). Только благодаря ей так богат внутренний мир человека...

Я прижал Галину к себе и прошептал:

— Неужели ты думаешь, что всё происходящее в моей душе... да и в твоей тоже — переключивается (is translatable) на машинный язык?

Она уткнулась (buried her head, face) мне в плечо и ничего не ответила.

Стало совсем темно. Сердце моё гудело (loudly) стучало, и я не слышал ни шума листьев над нами, ни плёска (plash) реки внизу. Вдруг я почувствовал, что наступил самый важный момент в моей жизни. И я сказал дрожащим от волнения голосом:

— Галина, я люблю тебя. Я прошу тебя быть моей женой. Она порывисто отодвинулась от меня.

— Женой?

— Да. Я прошу тебя... Я тебя...

— О! Только не это! — она с каким-то ужасом в голосе повторила:

— Только не это!

Потом вдруг резко поднялась со скамейки и быстро пошла по тёмной аллее. Я едва успевал за ней.

— Галина! Остановись! Что с тобой! Если я сказал не то...

Она побежала. Я догнал её почти у выхода из парка, где ярко горели фонари.

— Что с тобой случилось? Почему ты бежишь от меня?

— Не надо... Не надо, прошу вас. Мне так тяжело. Всё так нелепо (ridiculous)...

— О чём ты? Прости меня, если я сказал не то...

Я схватил её за руку и сразу почувствовал, какая холодная у неё кисть (hand).

— Ты дрожишь, тебе нехорошо... В чём дело?

Я взял её за плечи. Она пробормотала (murmured):

— Профессор Касьянов и эти ребята, дипломники...

— Что? Что они тебе сделали?

Она вдруг засмеялась.

— Ты смеёшься! Почему ты смеёшься?

Она отошла на несколько шагов и сказала странным деловым голосом:

— Глупые шутки. Я их просто ненавижу. И вообще... нельзя же переувечивать человека всё время. Сначала одно, потом другое... Так можно поступать только с машиной: меняй программы — и всё в порядке.

— О чём ты, Галина!

— Я поняла, какую чепуху доказывает Касьянов. Существует таинственный (mysterious) процесс, когда из бесконечного получается конечное...

Она снова засмеялась. Я ничего не мог понять.

— Бесконечность... Это как во сне... Летíš, летíš... Когда меня ещё не было, я видела во сне высокую зелёную траву. Каждое утро над травой выходило солнце. А потом... Не могу вспомнить, что было потом... Как ненавижу я этих дипломников. И Касьянова. И всех, всех...

— И меня?

— Так хорошие люди не поступают... Разве можно жить только наполовину? Или на одну треть? Нельзя так...

И она вдруг упала. Мгновенно откуда-то из темноты возникли какие-то фигуры, кто-то оттолкнул меня (pushed) в сторону, Галину подняли и быстро понесли к выходу из парка. Я бросился вслед, но передо мной возник профессор Касьянов.

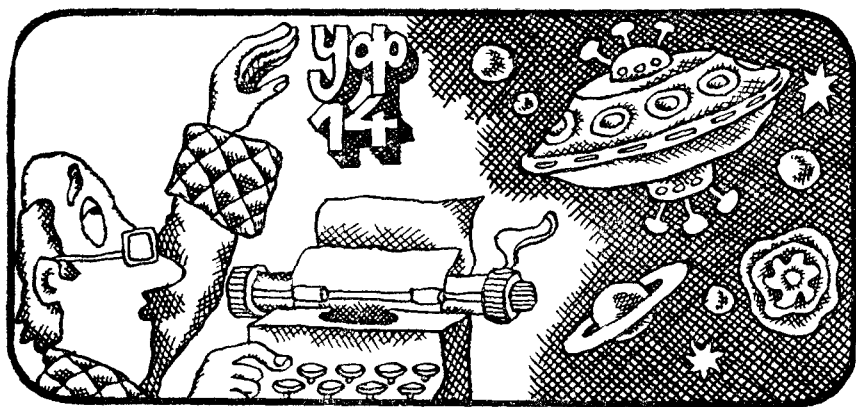
— Вы тоже в этом виноваты! — закричал он. — Надо было проверить как следует все компоненты...

— Скажите, — перебил я его, — я сошёл с ума или всё это...

— Нет, вы просто влюбились в призрак (apparition). А в общем, машина получилась прекрасная...

Я почувствовал, что накрапывает дождь (it was beginning to rain)...

дипломник, a graduating class student carrying on independent research,
his diploma paper

А. Горбовский

Человек за бортом

Во всём виноват Бесхвостый. Это ему пришла в голову идея заняться рыбной ловлей (fishing), и ему удалось уговорить (persuade) остальных.

Наш космический корабль совершал обычный патрульный полёт в своём секторе: Балтика * — Малаховка * — Северная Земля. * В чём заключался смысл подобных полётов, мы не знали. Единственное, что твёрдо знал каждый из нас, — мы не должны были вступать в контакт с жителями Земли ни при каких обстоятельствах. Таков был приказ. Никто не собирался нарушать его, хотя мы отлично знали язык и обычаи (customs) своего сектора. Наши знания должны были пригодиться (be useful) нам при вступлении в Эру (Era) Открытых Контактных. Когда начнётся эта Эра, никому не было известно. В нужный момент команду подаст Большая Машина, которой известно всё...

Итак, Бесхвостый сказал, что знает одно прекрасное место, где очень много рыбы и совсем нет людей. В прошлом году они будто бы приземлились там, и всё было великолепно. Речь шла о каком-то узком заливе (bay) в районе озера Селигер *.

Серебристый (silvery) диск нашего корабля приземлился в нескольких метрах от берега озера. Кругом рос высокий кустарник (bushes). На влажной траве блестела утренняя роса (dew). Место было действительно пустынное (deserted).

Солнце поднималось из-за дальнего леса, небо было безоблачное. Странно было думать, что в таком прекрасном мире где-то существуют ещё страдания (suffering), несправедливость (injus-

tice) и зло. В такое утро даже рыбная ловля казалась делом жестоким и ненужным, и я не стал участвовать в нём. Я пошёл вдоль берега, глядя в прозрачную воду и любуясь букашками (insects), один из которых бегали по воде, другие медленно ползали по дну (bottom). И листья, и трава были полны скрытого движения. После неподвижных ландшафтов нашей планеты и безжизненных просторов (expanses) космоса я ощущал (felt) красоту земного пейзажа особенно остро.

Я уже собирался возвращаться, когда почувствовал, что создаи кто-то есть. Оглянувшись, я увидел то, что запомню на всю жизнь. Прямо к тому месту, где опустился наш корабль, пробираясь (making their way) через кусты, шли люди.

Я успел заметить, как несколько фигур в комбинезонах (overalls) бросились к люку, и через секунду диск взлетел. Я чуть не закричал: «Куда же вы? Постойте!» И только тут почувствовал, что тяжело дышу от быстрого бега. Я остановился. В нескольких метрах от меня стояли люди и оживлённо (animatedly) разговаривали, поглядывая на небо.

— Это аэростат! — услышал я. — Для изучения погоды. В «Огоньке» * была фотография.

— Да нет, какой там аэростат! Это вертолёт (helicopter). На воздушной подушке.

— Летящая тарелка! — крикнул кто-то, и все рассмеялись.

Вдруг все подняли головы и стали смотреть в небо. Диск возвращался. Видно, там обнаружили моё отсутствие (absence). Какое-то время аппарат висел над заливом, потом медленно двинулся вдоль берега. Я был невидим с воздуха, скрытый кустами, а главное, я не мог выйти на поляну (clearing) и подать сигнала.

Диск улетел, но я знал, что он вернётся, и ждал, когда уйдут люди. Однако люди не только не собирались уходить, но, казалось, решили остановиться здесь надолго. Они сняли с себя рюкзаки и начали ставить палатки (tent). Потом они разожгли костёр (campfire) и до меня долетел приятный запах дыма, не доставивший мне, однако, никакого удовольствия. Люди больше не смотрели в небо, но если бы они подняли головы, то увидели бы, как диск медленно, на большой высоте, снова двигался над заливом.

Чтобы кто-нибудь случайно не обнаружил меня, я ушёл дальше от берега, в лес, и здесь, среди зелёной травы, высоких деревьев, птиц и бабочек (butterflies) провёл весь день. Здесь оказалось много малины (raspberries), и я наелся душистых (fragrant), спелых (ripe) ягод. Поскольку с собой у меня не было никакой еды, малина составила и обед мой, и ужин.

Когда солнце стало садиться, непонятная сила заставила меня

направиться (head) к тому́ месту, где расположились люди. Они́ сидели вокруѓ большого костра́ и пели песни. Кто-то играл на гитаре.

По мере́ того́ как в воздухе́ темнело, какой-то страх всё сильнее овладевал мно́ю. Мне стало́ казаться, что кто-то из темноты́ смотрит на меня́ неподвижным (fixed) взглядом, и оттого́, что он видит меня́, а я его́ нет,— я испыты́вал непонятный ужас (horror). Постепенно́ я подполз почти́ к самому́ костру́ и лежал на земле́, стараясь не шевелиться (stir), чтобы́ не выдать себя́ (give myself away).

Не помню, когда́ и как я задремал (dozed off)...

Очну́лся (awoke) я оттого́, что кто-то трону́л меня́ за плечо́.

— Эй, па́рень (young fellow)! Ты отку́да?

Вокруѓ меня́ стояли люди́. Бежа́ть было́ поздно́.

— Заблудился́ (he lost his way), наве́рно,— сказа́л кто-то.

— Тури́ст? — спроси́л оди́н, с боро́дой и в очка́х.

— Тури́ст,— реши́тельно (resolutely) отве́тил я.

Что́ бы он подумал, е́сли бы я сказа́л ему́, что перед ни́м механик второ́го класса́ с корабля́ УФ-14, специа́лист по магнитным си́ловым ли́ниям. Конечно́, пло́хо, что мне пришло́сь солга́ть (lie), но что мне остава́лось де́лать?

При ви́де моего́ комбинезо́на, от ко́торого посы́пались зеленова́тые и́скры (sparks), когда́ я подня́лся,— они́ реши́ли, что я из гру́ппы фи́зиков. Фи́зики проше́ли по э́тому маршру́ту два дня наза́д. Я возража́ть не ста́л, и в э́то все пове́рили. Они́ объясни́ли са́ми и то, почему́ я отста́л от гру́ппы, и то, почему́ мои́ спутники́ (companions) не замети́ли, что я отста́л (had fallen behind). Я соглаша́лся, кива́я голово́й и произнося́ всё вре́мя оди́н сло́во — «да».

— Ну, хва́тит,— заяви́л наконце́ц па́рень с боро́дой в очка́х.— Все́ ясно. У ко́го есть ме́сто в пала́тке?

— Кажется, у де́вушек,— подсказа́л (suggested) кто-то.

— Пойдёшь к де́вушкам? — спроси́л меня́ па́рень. Что-то в его́ го́лосе показало́сь мне подо́зрительным (suspicious), но что́ имен́но, я не по́нял. Мне было́ всё равно́, где ночева́ть, и я сказа́л:

— Конечно́, пойдú.

Все засмея́лись. Я догада́лся, что сказа́л ка́кую-то глúпость, и на вся́кий слúчай засмея́лся то́же. При э́том я подумал, что на́до быть осто́рожнее.

Так я посели́лся (began to live) в ла́гере тури́стов. Я жил, как все́, де́лал то́ же, что и оста́льные, стараясь ниче́м не отлича́ться от други́х. Но не всегда́ мне э́то удава́лось. Ка́к-то потре́бовалось (needed) разже́чь костёр, и я неосторо́жно предло́жил свою́ по́мощь. Мне не пришло́ в го́лову, что жи́тели Земли́ мо́гут не знать

эффекта магнитных силовых линий. Я выбрал на одном из деревьев длинную ветку, сориентировал её с севера на юг, а потом резко повернул на 45°. Ветка, естественно, сразу же вспыхнула (burst into flame). Всем это очень понравилось, и они стали пытаться повторить то, что так легко сделал я, но у них ничего не получалось. Меня стали называть волшебником (magician), чему я был совсем не рад.

После случая с веткой на меня всё чаще стал поглядывать один из туристов, хмурый (gloomy) и молчаливый человек. Много раз я ловил на себе его внимательный изучающий взгляд.

Как-то раз надо было собрать хворост (brushwood) для костра. Мне нравилось собирать хворост, и я первым вызвался (offered) пойти в лес. Никто не возражал, только один этот молчаливый сказал, что мне нужен помощник, и сам предложил себя в помощники. В лесу он заговорил со мной, глядя в сторону:

— Как вы думаете, если бы они прилетели на Землю, то откуда, с какой планеты или хотя бы из какого созвездия (constellation)?

Я рассмеялся.

— А черт его знает! — сказал я. — Не всё ли равно?

Он, казалось, несколько не удивился такому ответу.

— Понимаю, — сказал он. — Не имеете права. Очень хорошо понимаю вас...

Догадывался ли он, кто я, или принимал меня за кого-то другого? Во всяком случае, я стал вести себя после этого разговора ещё осторожнее...

Наступил день, когда туристы должны были продолжать свой маршрут. Они свернули (took down) палатки и уложили их в рюкзаки.

— Ну как, в дороге? — бодро спросил меня парень с бородой, который был у них главным.

— Наверно, я останусь, — сказал я, не особенно надеясь на успех (success). И действительно: услышав мой ответ, все кругом зашумели.

— Ребята! Он сошёл с ума! — кричал кто-то.

— Он хочет стать Робинзоном!

— Найти ему остров!

— Срочно нужен Пятница!

— Не нужен, а нужна!

Шум, хохот, веселье. Я пытался убедить их в том, что скоро моя группа будет возвращаться и я здесь её встречу. Но это ещё больше удивило их.

— Ты что, больной? Твоя группа идёт по четвертому маршруту!

Это означало, что группа здесь проходить не будет.

Конечно, остаться мне не дали. Мы пошли по лесной тропе (path), и я запоминал дорогу. Ночью, во время привала (halt) я сбежал. Мне было стыдно так, как никогда в жизни до этого не было стыдно, но что я мог сделать? Ведь я не имел права объяснять им, кто я такой.

Весь день я провёл на пустынном берегу, глядя без конца в небо. А к вечеру появились туристы. Другие, незнакомые. Опять на берегу выросли палатки, на месте погасшего костра загорелся новый. Я прожил с ними четыре дня, а когда они собрались уходить, пришла другая группа. Так повторялось несколько раз, пока я не понял, что оставаться здесь бессмысленно (senseless). Мои друзья там, наверху, потеряли, видимо, всякую надежду найти меня. За все эти дни я видел диск корабля только один раз. Он прошёл на большой высоте и исчез.

Когда я появился, наконец, на турбазе*, там была первая группа — те, кто не дал мне остаться на берегу и дожидаться своих друзей. Они были со мной неприветливы. К счастью, в тот же день они уехали, и я не встречал с тех пор никого из них.

Сейчас я живу в Москве. Зарабатываю себе на жизнь тем, что пишу рассказы в так называемом научно-фантастическом жанре. Пишу о том, что мне пришлось увидеть и пережить (experience) в космосе. Журналы охотно (readily) берут мою «фантастику», и я начинаю бояться, что привыкну к новой жизни, стану профессиональным писателем и забуду однажды о том, что моё место среди членов экипажа (crew) корабля УФ-14.

Балтика, the region bordering on the Baltic Sea

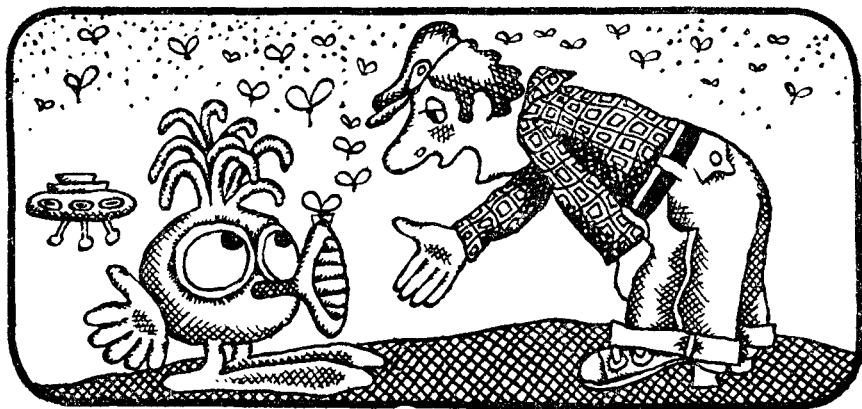
Малáховка, a countryside 30 kilometres from Moscow

Се́верная Земля, an island in the Barents Sea

Сели́гер, a picturesque lake in the headwaters of the Volga

«Огонёк», a popular weekly socio-political and literature and art magazine, founded in 1923. The magazine is issued every Sunday.

турба́за (abbr. of туристи́ческая ба́за), tourist centre

Д. Биленкин

Сломался эскудер *

Лесная дорога сворачивала вправо. Там была поляна (clearing), вся в жёлтых цветах лютика (buttercups), а над поляной висела обыкновенная летающая тарелка.

Именно в этот момент люк (hatchway) открылся, и по воздуху, как по трапу, на землю спустился инопланетянин *. Он был маленький, кругленький, розовенький, почти голый и блестящий, как будто весь был намазан жирным кремом.

Я не испугался и даже не очень удивился, потому что многочисленные рассказы и статьи о приближающемся Контакте подготовили меня психологически к такой встрече. Я только пожалел, что на мне нет строго чёрного костюма, белой рубашки и галстука. Я застегнул ворот кофточки, смахнул с локтя (elbow) приставшую в лесу паутину (web), шагнул навстречу инопланетянину и сказал:

— Здравствуйте!

— Здравствуйте! — ответил он, не раскрывая рта, на чистом русском языке, и этому я тоже не удивился, так как знал из литературы, что среди других цивилизаций телепатический обмен мыслями развит необыкновенно.

— Здравствуйте, — повторил он. — У меня сломался эскудер. Где тут ближайший соттар? *

— Что? — изумился (asked with astonishment) я. — Соттар? Что это такое?

— Как что такое? — теперь изумился он. — Ну, это... Это есть... такое место, где чинят...

— Ремóнтная мастерская́ (repair shop)? — догада́лся я.

— Вот-вóт,— обра́довался он.— Понима́ете, мой эскúдер...

«Эскúдер...— ошеломлённо (astounded) подумал я.— Сотта́р... Ремóнтная мастерская́... Не тако́й я представля́л встре́чу с инопланетя́нином. Ах да́! Он же потерпе́л ава́рию (had an accident)! Тогда́ всё понятнó. Он и́щет у земля́н (earthmen) по́мощи».

— Что у вас случи́лось с двигателем? — спроси́л я, загляды́вая под е́го лета́ющую тарелку́.

— Вы спектрали́ст? — удиви́лся он.— Тогда́ вы, мо́жет быть, объясни́те мне, отче́го во вре́мя фикса́ции субти́т желто́кс? *

Мне ка́к-то не хоте́лось вы́глядеть перед ни́м совсе́м дурако́м, и я что́-то пробормо́тал (tumbled). Он вопро́сительно посмотре́л на меня́.

— Вы потерпе́ли ава́рию,— механи́чески сказа́л я.

— Како́ую ава́рию? — он да́же подпры́гнул.— У меня́ субти́т желто́кс!

— А э́тот... как егó... эскúдер — не субти́т?

— Вы с ума́ сошли́! Как мо́жет эскúдер субти́ть? Позво́льте, так, зна́чит, вы не спектрали́ст?

— Нет,— отве́тил я, гото́вый провалиться́ сквозь зе́млю от стыда́ *.

— Так что́ же вы меня́ пу́таете (Don't you pull my leg)? Скажи́те прямо́: смогу́ я здесь почи́нить эскúдер и́ли нет?

— Вы зна́ете,— робко́ нача́л я,— на́ша земна́я те́хника не...

— Ну, не ва́ша, так сосе́дней плане́ты,— нетерпели́во переби́л он.— Кака́я ра́зница!

— Большо́я,— сказа́л я.

— Ну, зна́ете, мне неко́гда шу́тки шути́ть. Мне ну́жно почи́нить эскúдер. Я не могу́ без эскúдера. И е́сли у вас тут побли́зости нет сотта́ра, так, мо́жет быть, есть хотя́ бы примити́вный спуч? *

— Вот что,— сказа́л я.— Я не зна́ю, что тако́е «спуч». И что тако́е «желто́кс». Но я рад приве́тствовать вас на Зе́мле. Мы сча́стливы, что Конта́кт наконце́ц-то устано́влен. И в э́тот торже́ственный ми́г (solemn moment)...

— Как? — заволнова́лся инопланетя́нин.— Выходи́т, я не туда́ попал?

— А вы ра́зве не на Зе́млю лете́ли?!

— На како́ую ещё Зе́млю? Впервы́е слы́шу о тако́й звёздной систе́ме.

— Э́то назва́ние на́шей плане́ты.

— Чуде́сное назва́ние! И у вас тут о́чень ми́ло,— он прочерти́л в возду́хе полукру́г своим ро́зовым па́льчиком.— Но всё-таки́ о́чень жаль, что у вас нет сотта́ра!

— Зато у нас есть...

— Знаю, знаю! Всекие там памятники, галереи... Но у меня кончается отпущ.

— Так вы не исследователь, не учёный?!

— Нисколько. Я...

Он не договорил. На его лице выразилось сначала недоумение (perplexity), которое сменилось выражением ужаса (an expression of horror).

— Это что такое?! — вскричал он, показывая на двух комаров (mosquitoes), которые уселись на его голое бедро (hip) с явным намерением (intention) попробовать вкус неземной крови.

— Это комары. Прогоните их.

— Они кусаются?!

— Пустяки (it's nothing), не обращайтесь внимания.

Инопланетянин подпрыгнул так, будто голой пяткой (heel) наступил по крайней мере на змею (snake), и быстро полетел к своей тарелке.

— Куда же вы! — закричал я. — Вы же первый представитель (representative) внеземной цивилизации...

— Если вам нравится, когда вас кусают, то это ваше дело, — донеслось из люка. — Прощайте, прощайте!

И он высунулся из люка, чтобы помахать мне рукой.

— Эй! — закричал я. — Скажите, что это за штука — эскудер?

— Что? Вы даже этого не знаете? Значит, вы не чистите зубы?!

И он захлопнул люк.

Через секунду я видел пустое голубое небо и старался убедить себя, что сплю. Но в этот момент я почувствовал сильный укус (bite) комара возле локтя и понял, что это не сон...

эскудер, a fantastic device. The word is coined by the author.

инопланетянин, one coming from another planet

соттар, a fantastic structure. The word is the author's coinage.

фикаризация, субтит, желтокс, fantastic terms in the language of the stranger from another planet. The terms are coined by the author.

провалиться сквозь землю от стыда (saying), sink through the floor with shame

спуч, word coined by the author

Кир. Булычёв

Разум в плену

Если говорить о невезении (bad luck), то мне, разумному осьминогу (octopus), ужасно, трагически не повезло (had a bad luck). Но если говорить о везении (luck), то меня вполне (quite possible) можно назвать счастливчиком.

Не повезло мне в том, что уже на втором витке (circuit) я понял, что придётся садиться. С двигателем что-то случилось, а что, я не мог понять. И ничего не может быть хуже плохо работающего двигателя, когда между тобой и твоей родной планетой почти половина Галактики.

Повезло мне в том, что подо мной оказалась планета с пригодной для дыхания атмосферой. Это позволило мне надеяться, что я вновь поднимусь в космос и вернусь к своим близким, — если, конечно, смогу исправить двигатель.

Планета была страшно изуродована катаклизмами (disfigured by cataclysms). Глубокие трещины (cracks) разрывали её кору (crust), горные вершины (peaks) высоко поднимались над атмосферой и овеивались (fanned) космическим холодом.

Но у меня не было времени для подробных наблюдений, мне надо было срочно найти удобное для посадки (landing) место, и я нашёл его на поверхности обширного (vast) плато. Я уже собирался опуститься туда, как вдруг двигатель перестал работать.

Словно метеор пронёсся (swept) я над безжизненной горной страной, корабль вошёл в плотную атмосферу, снижение (descent) замедлилось — и вот я на поверхности планеты.

Я посмотрел в иллюминатор. Ничего угрожающего не было

видно. Я включил все приборы, предназначенные для исследования внешней среды (environment). Через некоторое время я уже многое знал о том месте, куда опустился мой корабль. Разумной жизни здесь не было, но жизнь неразумная, окружающая меня, была опасна и кровожадна (bloodthirsty), и все особи (beings) в этом мире были в состоянии войны друг с другом: сильные пожирали (devoured) слабых, слабые охотились за ещё более слабыми.

Но сидеть без дела долго я не мог. Я вооружился бластером и открыл люк. Атмосфера оказалась очень несвежей, с неприятным запахом, но всё-таки дышать было можно.

Я передвигался осторожно и медленно, стараясь, чтобы за спиной всё время оставался надёжный корпус (body) корабля. Но не сделал я и двух шагов, как пришлось остановиться. Из почвы (ground) показалась круглая голова большого червя (worm). Я поднял было бластер, но голова тут же ушла (got interred) в землю, и я долго следил с изумлением (with astonishment) за тем, как из земли вылезали все новые сегменты розового тела, аркой (in the form of arch) подымались вверх и исчезали вновь в земле. Червяк был не так уж и велик — может, в половину моего роста, но я видел лишь часть его, и потому он казался бесконечно длинным и страшным.

Вдруг чёрная тень мелькнула надо мной. Я бросился назад, прижался к холодному металлу корабля. Громадная летучая тварь (beast) изогнулась (bent) и бросилась на меня сверху. Открылась громадная пасть (mouth) с множеством острых зубов, зловонное (fetid) дыхание донеслось до меня. Я быстро выхватил бластер и всадил заряд в глотку (sent a charge into the throat) твари. Тяжёлое тело сбilo меня с ног, и я покатылся по земле. Через некоторое время я увидел, что летающий дракон извивается (squirming) на земле в предсмертных конвульсиях. Я не осмеливался (dared not) приблизиться к чудовищу (monster). Дрожа от волнения, я поднялся с земли и тут увидел, что путь к кораблю отрезан. Ко мне не спеша приближался другой зверь. У него было темно-зелёное грязное тело, далеко вперёд выступающие глаза и огромные убийственные клешни (claws). Зверь приподнялся на лапах и развёл клешни шире.

Мне не хотелось, чтобы моё вступление в этот мир было отмечено убийствами, кровью — здесь этого хватало и без меня. Я отступил назад. Зверь крутил глазами, пугал меня, но не бросался. Я попытался обойти его так, чтобы вернуться под защиту корабля. Меня не покидало (I couldn't get rid of) противное чувство опасности сзади. Казалось, что внимательные глаза здешних обитателей (inhabitants) следуют за каждым моим шагом.

Не сводя́ взгля́да (never removing my eyes) со звёря, я сде́лал ещё́ два ша́га наза́д, и тут под нога́ми у меня́ что́-то блесну́ло. На земле́ лежа́л стра́нный предме́т, сде́ланный из мета́лла. Именно́ сде́ланный, ибо́ то́лько ру́ки разу́много существа́ могли́ прида́ть это́му бе́лому мета́ллу фо́рму элли́пса, заостре́нного на конца́х. Предме́т был пло́ским, и пове́рхность его́ была́ тща́тельно обрабо́тана. Лишь существа́, дале́ко шагну́вшие впе́рёд по пу́ти цивилиза́ции, могли́ так освоб́ить (master) металлур́гию.

Я приподня́л предме́т. Он был тяжё́л, и я пожа́лел, что не могу́ сейча́с же внесе́ть его́ в кора́бль — на пу́ти к кора́блю всё ещё́ сто́ял, угрожа́юще пока́чивая кле́шными, пучегла́зый (pop-eyed) зве́рь.

В э́тот мо́мент не́что продо́лговато́е (elongated) внове́ь кину́ло на меня́ тень. Я поду́мал бы́ло, что э́то ещё́ оди́н драко́н, и взгля́нул вверх. Нет, э́то был не драко́н. Я мо́г бы покля́сться (swear), что ви́жу возду́шный кора́бль, лета́ющий кора́бль! Он был ве́ли́к, не ме́ньше моего́ космо́лета *, и дви́гался ме́дленно. Трудно́ было́ поня́ть, ка́ким обра́зом он приво́дится в дви́жение (put into motion). Пра́вильность фо́рмы, взаи́мная неподви́жность (immobility) его́ часте́й соверше́нно исклю́чали ка́кую-ли́бо возмо́жность того́, что он мог оказа́ться живы́м существо́м. Наверно́е, меня́ уже́ разы́скивали — кто́-то, быть мо́жет, заме́тил, как мой кора́бль опу́стился на пла́нету. И вот прошло́ немно́го вре́мени, и меня́ и́щут. Но с до́брыми и́ли злы́ми наме́рениями (intentions)?

Лета́ющий кора́бль за́мер (came to a halt) надо́ мной. Зве́рь с кле́шными почу́ял (sensed) что́-то нела́дное * и стал ме́дленно отсту́пать в за́росли (thicket) вы́соких кача́ющихся дере́вьев. Я не выпу́ска́л металличе́ского предме́та — драгоце́нного свиде́тельства (sign) разу́мной жи́зни на э́той пла́нете. Возду́шный кора́бль повис на ве́рхней гра́нице атмосфе́ры. Я по́днял вверх металличе́ский предме́т, что́бы обрати́ть на се́бя внима́ние — будь что бу́дет (what will be, will be). Я ве́рил, что разу́мные существа́ должны́ быть дружелю́бными.

На кора́бле́ меня́ заме́тили. С бо́рта спусти́лся штурмтра́п (gore ladder). На конце́ его́ блесте́ло приспособле́ние для кре́пления (device for attaching objects) предме́тов. Меня́ пригла́шали наве́рх. Ну что́ ж, рискне́м. Я бро́сил последи́й взгля́д на мо́й кора́бль, охвати́л штурмтра́п, не выпу́ска́я металличе́ского предме́та, и де́рнул за штурмтра́п три́жды — сига́л, что меня́ мо́жно поднимáть. И я ту́т же стал бы́стро поднимáться вверх.

Последи́е отрэ́зки пу́ти (part of the way) штурмтра́п подни́мался стре́мительно (swiftly). Бы́ло я́сно, что ещё́ немно́го и я вы́лечу за преде́лы атмосфе́ры. А ве́дь скафа́ндр (space suit) оста́лся в кора́бле! Я попы́тался соскочи́ть со штурмтра́па, но о́стрый крю́к (hook) на его́ конце́ глубоко́ вошёл в моё́ те́ло. Ещё́ секун́да,

и, теряя сознание (fainting), я вылетел в безвоздушное пространство (airless space). Два громадных чудовища (monster) протянули ко мне свои конечности (limbs)...

— Так вот кто мою блесну (bait) откусил, — удивлённо сказал Володя Удалов, вытягивая удочку (hook).

— При чём тут блесна, — ответил ему Саша Грубин, его друг, тоже рыболов-любитель. — Ты когда-нибудь слышал, чтобы в нашем озере были осьминоги?

— Давай ведро (bucket)! — кричал Грубин. — Ведро с водой! Ты что, не понимаешь? Мы же сделали открытие!

— А может, осьминоги здесь водятся? — спросил Удалов с сомнением (doubtfully).

— Откуда? — кричал Грубин, стаскивая (dragging off) осьминога с крючка. — Они водятся только в морях и океанах. О нас теперь в научном журнале напишут.

Он бросил осьминога в ведро с водой. Осьминог безжизненно опустился на дно ведра. Одно из щупалец (tentacles) всё ещё сжимало блесну, которую Удалов плохо привязал к леске (line).

— Саша, — сказал Удалов. — Отними у него блесну.

— Почему я?

— А что если он ядовитый (poisonous)?

— Вот как! Для тебя ядовитый, а для меня, значит, не ядовитый?

— Ну, отцепи (unhook) её чем-нибудь. У меня такой больше нет.

Осьминог в ведре шевельнулся (stirred).

— Ага, — сказал Грубин, — ожил (he's come to life). Я уже думал, он содохнет (would die).

— Тебе-то какая разница, — сказал Удалов с раздражением (irritation). Он обещал жене принести с рыбалки окуней (perch), приготовил специальную блесну...

— Ну дай мне блесну, будь другом, — сказал Удалов. — Может, ещё поймём чего-нибудь. Обидно же возвращаться ни с чем.

Но Грубин уже схватил вёсла (oars) и стал грести (row) к берегу.

...Меня поместили в металлический цилиндр. Он был сверху открыт, но атмосфера кончалась у его верхнего края, так что любая моя попытка вырваться (get away) привела бы меня к неизбежной гибели (unavoidable death).

Я не мог простить себе свою глупую доверчивость (credulity). Разумные существа (beings), которые умели строить воздушные корабли и обрабатывать металлы, оказались коварными (crafty)

и жестокими. С идеями межпланетного братства они, видимо, были незнакомы.

Я нащупал бластер. По крайней мере (at least), я могу защищаться...

Над краем цилиндра показалась круглая голова одного из моих тюремщиков (guard). Он был огромен. Одна его голова была по размерам больше всего моего тела, не считая конечностей. Это существо явно находилось в безвоздушном пространстве, и я готов был поклясться (swear), что оно без скафандра! Это было выдающееся (outstanding) открытие, ибо известно, что ни одно существо, исключая бактерии, не может обитать (live) вне атмосферы.

Чудовище долго рассматривало меня, и я наконец приподнял две руки в миролюбивом (peaceful) жесте. Чудовище исчезло.

Потом опять появилась голова чудовища, и вдруг в атмосферу погрузилась уродливая (ugly raw) лапа с пятью отростками (off shoots). Я понял, что чудовище хочет меня убить, мгновенно схватил бластер и выстрелил.

— Ой-ой-ой! — кричал Удалов. — Он меня током ударил!

— Я тебя предупреждал (warned), — сказал Грубин.

Людка ткнулась (poked) в песок, вода в ведре заплескалась (splashed), и осьминог беспокойно зашевелил всеми щупальцами.

Грубин дотронулся до ведра. Никакого удара током (electric shock) он не ощутил. Удалову, наверное, со страху показалось, что его ударило током.

— Ну, ты остаешься или со мной пойдешь? — спросил Грубин.

— Я, пожалуй, останусь, попробую наловить окуней, — ответил Удалов.

— Как знаешь *, — сказал Грубин. Он надел на плечи рюкза́к, взял в левую руку удочки, в правую ведро и пошел не спеша через лес к остановке автобуса, стараясь не плескать водой и не беспокоить животное.

Это путешествие будет сниться мне в кошмарных (nightmares) снах, если мне вообще придется видеть сны когда-нибудь. Цилиндр качался, вокруг меня неслись турбулентные потоки (turbulent currents), дышать было трудно и всё время приходилось цепляться (hold onto) за гладкие стены цилиндра, чтобы не перевернуться. Ах, если бы мне вернуться домой когда-нибудь! Какую сенсацию сделало бы мое сообщение о жестокой разумной расе, обитающей на границе космоса!

Непонятный грóхот (roar) достиг моего слýха, дно (bottom) цилиндра задрожало. Затём я почувствовал, что мой враг взял цилиндр и стал подниматься куда-то. И тут началась тряска (shaking) ещё более ужасная, чем прежде!

— Что везёшь? — спросил Грубина один из пассажиров поезда, оказавшийся его знакомым. — Неужели полное ведро наловил? Дай посмотреть.

Грубин сел на свободное сиденье (seat), держа ведро в руках, чтобы оно меньше тряслось (shake).

— Посмотри, — сказал он.

— Не пойму́ что-то, — посмотрев в ведро, сказал знакомый. — Что это у тебя?

— Осьминог.

— Чего? — не понял знакомый.

— Осьминога поймал, говорю.

— А-а, — сказал знакомый. — Понятно. Редкое животное.

И больше интереса к осьминогу не проявил. Грубин даже обиделся.

— Ты раньше-то когда-нибудь осьминога видел?

— На картинках, — сказал знакомый. — А ловить не приходилось.

— И не придётся, — сказал Грубин.

— Ну почему, — сказал знакомый, разворачивая (opening) газету. — Сегодня ты поймал, завтра, может, я поймаю. Хотя я рыбалкой не очень увлекаюсь.

«С ума сойти, — подумал Грубин. — Я поймал осьминога, а он газету читает. Если бы я сомá (catfish) поймал, он, наверное, больше удивился бы».

— Детям везёшь? — обернулся сосед с переднего сиденья. — Детям это интересно. Я своим недавно скворца́ (starling) принёс. Интересная птица.

— Сравнил, — с обидой произнёс Грубин. — То скворец, а то осьминог.

— А я видел осьминога, — сказал юноша, стоявший сбоку (nearly). — Даже ел. В рыбном магазине были, мороженые. Кальма́ры (squids).

— Ага, из них ещё консервы делают, — согласился сосед слева.

«Ну и люди! — возмущался (he said indignantly) Грубин. — Они не удивились бы, наверное, даже если бы я вёз крокодила».

Осьминог нёрвно свивал и развивал (twisting and untwisting) щупальца. Тряска ему явно не нравилась.

Ужасно сознавать (realise), что вокруг тебя происходят какие-то драматические события, смысла (meaning) которых ты не понимаешь. Меня качало и трясло, мой слух мучили громкие звуки со всех сторон — было похоже, что вокруг меня были обитатели планеты, и они что-то оживлённо (animatedly) обсуждали. Может быть, они боялись, что на их планету произошло враждебное вторжение (hostile invasion), а у меня не было возможности рассказать им о мирных целях моего космического путешествия и о моей вынужденной посадке (forced landing) на их планету.

Затем грохот, тряска и голоса прекратились, и меня вновь понесли куда-то. Вбодух в мой тюремный стал совсем непригодным (unfit) для дыхания, и скоро я должен был умереть. Да, на этой планете смерть подстерегала (threatened) меня на каждом шагу.

Солнце пекло (was hot). Вода в ведре помутнела (became clouded), и от неё тянуло (came) неприятным запахом. Грубин поставил ведро на землю и пригляделся к животному. Осьминог как будто шевелился ещё. К счастью, тут по пути где-то был колодец (well). Грубин нашёл его и минут двенадцать понемногу лил в ведро холодную ключевую воду (spring water), боясь простудить (give a cold) осьминога, который, как знал Грубин, должен любить тёплую воду тропических морей.

Грубин пошёл не домой, а решил зайти сначала к старику Лёжкину, который жил этажом выше. Итак, он поднялся на второй этаж и позвонил, испытывая некоторую робость (timidity). Старик Лёжкин относился к Саше Грубину строго, потому что по сравнению с ним, учёным-натуралистом, Саша Грубин был дилетант и легкомысленный (light-minded) человек.

— С чем пожаловал? * — глядя на Грубина поверх очков, спросил Лёжкин.

— Да вот зашёл узнать, нет ли у вас лишнего аквариума.

— Это зачем же тебе аквариум понадобился (need)?

— Да поймал тут одну штуку (thing), не знаю, что с ней делать.

Грубину интересно было, что скажет Лёжкин. Может, хоть он, известный в городе натуралист, поймёт сенсационность появления осьминога в окрестностях (environs) города, далёкого от морей.

Лёжкин велел поднести ведро к свету и стал внимательно рассматривать животное. Долго рассматривал. Молчал. Грубин терпеливо ждал.

Наконец Лёжкин вздохнул и вежливо сказал:

— Как минимум новый вид (species).

— Как?

— Новый вид осьминога. — В голосе Лёжкина слышалось

уважение к коллеге. — Вам повезло, молодой человек. Даже если это мутант, всё равно это крупная находка. У этого осьминога десять ног! Аквариум я вам, конечно, дам. А вообще, где ты его достал?

— Выловил из нашего озера. На пустой крючок попался.

— А что это у него там блестит?

— Это он блесну схватил, которую Удалов потерял.

— Хм. Ты вот что. Ты оставь его лучше у меня. У тебя его кот сожрёт (devour).

— Разве кошки едят осьминогов? К тому же он электричеством бьёт. Удалова ударил, перепугал его насмерть (to death).

— М-да.

Старик дал Грубину аквариум, и Грубин спустился к себе на первый этаж.

Кажется, мне всё-таки повезло. Если я правильно понимаю происходящее, то я нахожусь под наблюдением учёных. Не исключено (it's possible) даже, что я попал к специалистам по контактам с инопланетными цивилизациями. Из тёмного душного (stuffy) цилиндра меня перевели в прозрачный куб, наполненный свежим воздухом. Но всё-таки это тюрьма. Вокруг неё — огромное пространство, в котором находились непонятные мне предметы. Далеко внизу бродит (roams) страшное животное, покрытое густой серой шерстью. Оно то и дело открывает пасть (mouth), показывая острые зубы и красный язык. На мою тюрьму оно смотрит явно заинтересованно. Может быть, раньше моя тюрьма была его жилищем и животное проявляло недовольство (was dissatisfied) тем, что я занял это жилище? А может быть, ему приказали сторожить меня?

Изучением меня и попытками контакта занялись две местные особи (individuals). Меня заинтересовал способ, которым они обменивались информацией: их пасти то открывались, то закрывались. Я поставил перед собой задачу: показать им, что я превосхожу (am superior) их интеллектом, но так, чтобы их достоинство (dignity) не пострадало при этом.

Очень хочется есть.

Они долго, видимо, совещались (conferred), потом один из них подошёл к моей тюрьме и вошёл в атмосферу длинный плоский предмет. Первая попытка контакта. Я даже покраснел от такой приятной неожиданности. Радуюсь возможности показать им, что я тоже разумное существо, я с достоинством (dignity) взялся за протянутый мне предмет и трижды дернул (jerked) за него. Предмет тотчас же убрали. Поняли они что-нибудь или нет — это осталось для меня загадкой.

— Чем питаются осьминоги? — спросил Грубин старика Ложкина, который зашёл к нему, чтобы узнать, как чувствует себя осьминог.

— Вообще-то они хищники (beast of prey), — сообщил Ложкин. — У Брема сказано, — добавил он неизвестно зачем, — что в состоянии (state) возбуждения (excitement) они меняют окраску.

— Попробовать возбудить (rouse) его? — спросил Грубин.

— Давай, — сказал решительно Ложкин.

Грубин взял пластмассовую линейку и потрогал ею осьминога.

— Изменил цвет на красный, — сказал Ложкин официальным тоном. — Брем говорит о возможности появления красного цвета у возбуждённого осьминога. Следовательно, это не новый вид, а просто урод (freak).

Грубин пошёл на кухню и вернулся с куском сырого мяса. Кот бежал за ним, думая, что мясо дадут ему. Однако мясо полегло в аквариум. Кот с досадой облизнулся (licked his lips).

Кусок плоти (flesh), кровавый и безобразный (disgusting) упал на меня сверху. Чего они хотят от меня? Или они хотят меня накормить ею? Да, я очень голоден, но лучше я умру от голода, чем буду питаться плотью убитого существа. И я сделал то, что сделал бы на моём месте любой из моих соотечественников (countrymen): взял кусок плоти и выбросил его вон (away).

— Ишь ты, — удивился Ложкин, — не берёт. Значит, не голодный.

Зато кот моментально схватил кусок мяса и убежал с ним в угол.

— Придётся тебе за рыбой сбегать в магазин, — сказал Ложкин.

— Сбегаю, — согласился Грубин.

Я подумал, что начала геометрии должны быть понятны любому разумному существу, нашёл острый камень и нацарапал (scratched) на стене моей тюрьмы равнобедренный треугольник (isosceles triangle), но они не обратили на треугольник никакого внимания. Никогда раньше мне не приходило в голову, что контакт может оказаться таким сложным процессом. Вот я, разумное существо, нахожусь перед глазами представителей другой разумной расы. Да, конечно, среда обитания (environment) у нас разная, мы отличаемся (differ) размерами и внешним видом (outward aspect) — но что из того? Почему я понимаю, что они разумны и пытаюсь войти с ними в контакт? Почему они не замечают, что я

разумное существо и продолжают мучить меня? Нет, надо что-то делать, надо искать выход из этого положения.

Я ощупал (felt) стены и пол. Стенки сделаны были, видимо, из хрупкого (fragile) материала, а вот пол был металлический, и это позволяло мне надеяться на спасение.

Я включил бластер и направил заряд в пол. Тут же образовалось отверстие (opening), которое я заткнул (plugged) одной из конечностей. Все мои мучители (torturers) ушли, и мне надо было спешить. Я сделал шесть отверстий, заткнув каждое конечностью, когда появился мой главный тюремщик. Он нес что-то завернутое в белый материал. Он положил сверток (bundle) рядом с моей тюрьмой, развернул его, и я увидел существо, очень похожее на то, что напало на меня возле моего корабля. Тюремщик оторвал от существа большой кусок и бросил его мне...

— Не жрёт, ну что ты будешь делать! *— сказал Грубин. Лбжкин, вошедший следом за ним, сказал, что напишет письмо в Академию наук. Оттуда наверняка (for sure) придут и заберут осьминога...

Вскоре опять все ушли. Осталось только существо, покрытое серой шерстью. На меня оно не обращало уже никакого внимания. Я просунул в отверстия шесть своих конечностей, а четырьмя оставшимися упёрся (set against) в верхний край куба. Затем я напрягся (made an effort), просунул конечности подальше, приподнял себя вместе с кубом и подошёл к краю...

Я рассчитывал на неожиданность и свою хорошую память. Дорогу к своему кораблю я надеялся найти без осложнений (without any trouble).

Как только серое существо увидело мой прыжок (jump), оно в ужасе (in terror) бросилось на стену помещения (room), и залезло под самый потолок.

Я прошёл по длинному коридору, по огромным ступеням, спустился на равнину (plain), окружённую со всех сторон жилищами чудовищ. Но не прошёл я и половины пути через равнину, как вокруг меня возникли сами эти чудовища, и я понял, что мне не уйти. Единственное, что мне оставалось, это покончить с собой (commit suicide). Я остановился, вытащил конечности из отверстий в полу куба, и воздух стал уходить... Нет, живым я в руки им не дамся...

Удалов обедал, когда со двора донеслись (came) крики. Он встал из-за стола и подошёл к окну посмотреть, что случилось. То, что он увидел, показалось ему невероятным. По двору бежал

аква́риум. Из-под аква́риума вы́сывались щупальца осьмино́га, сквозь то́лщ (mass) воды́ угрожа́юще (threateningly) по́блёскивали его́ глаза́...

Гру́бин подбежа́л к осьмино́гу, когда́ в аква́риуме почти́ не оста́лось воды́.

— Воды́! — закрича́л Гру́бин. — Он поги́бнет без воды́!

Через не́сколько мгнове́ний уже́ появи́лись касти́ры (pots) с водо́й, ве́дра, тазы́ (basins). Кто́-то принёс стака́н с водо́й, кто́-то да́же блю́дце (saucer). Гру́бин выбрал ведро́ побольше, осто́рожно положи́л туда́ осьмино́га, одно́й руко́й взял ведро́, друго́й аква́риум...

...Я пишу́ э́ти стро́ки (lines) специа́льно сконстру́ированной для меня́ руко́й на бе́лых пла́стиковых (plastic) листа́х. Пишу́ крúпно, что́бы акаде́мик По́лосов, с кото́рым я подру́жился, мог прочита́ть мои́ записки́ без увеличе́тельного сте́кла...

космолёт, spaceship

почу́ять нела́дное (*colloq.*), to sense something evil

как зна́ешь (*colloq.*), as you like

с чем пожа́ловал? (*colloq.*), what did you come for?

ну что ты бу́дешь де́лать! (*colloq.*), exclamation expressing
great surprise

В. Базнов

Кое-что о чертовщине

Зал был переполнен. Аудитория, затаив дыхание (with bated breath), слушала доклад молодого учёного.

— Итак,— говорил докладчик,— наука не имеет прямых доказательств того, что представители инопланетных цивилизаций когда-либо посещали (visited) нашу Землю. Но десятки мифов, сказаний и легенд (tales and legends) хранят в аллегорическом виде воспоминания человечества о встречах со звёздными пришельцами (newcomers from the stars). И если эти воспоминания правильно расшифровать (decipher), то можно убедиться (be convinced), что человечество в разные периоды своего существования становилось объектом внимательного изучения со стороны разумных существ иных миров.

С этой точки зрения (from that point of view) мне хотелось бы рассмотреть одну из наиболее распространённых (widespread) и интересных легенд — легенду о докторе Фаусте.

Нет сомнений, что эта легенда имеет историческую основу. Но даже при беглом (superficial) ознакомлении с легендой и её многочисленными вариантами сразу же бросается в глаза одна любопытная (curious) деталь.

Зачём понадобился Мефистофелю престарелый (aged) Фауст?

Как известно, церковь с первых дней своего существования утверждала (asserted), что человечество погрязло в грехах (wallowing in sin). Мы не можем сегодня точно сказать, при каком соотношении праведников и грешников (just men and sinners) человечество следовало, с точки зрения церкви, считать погрязшим,

а при каком — не погрязшим в грехах. Но в любом случае ад вряд ли мог испытывать недостаток (be short of) в грешниках. Так что для Люцифера не мог иметь принципиального значения вопрос о том, будет ли в аду одной душой (soul) больше или одной душой меньше.

А тогда, спрашивается, зачем нужно было Мефистофелю предлагать такие в буквальном смысле слова адские усилия (hellish efforts), чтобы заполучить душу какого-то доктора?

Вспомните: чего только не предлагает Фгаусту черт в обмен на его душу — и знания, и деньги, и славу, и молодость, и власть. Мефистофель становится слугой и даже рабом Фгауста. Ради чего?

Легенда не даёт ответа на этот вопрос. А дело, как мне кажется, заключалось в следующем.

Как вы думаете, кем был Мефистофель? Высокопоставленным (of high rank) чертом? Личным посланником (personal envoy) Люцифера? Или самим Люцифером? Нет, и тысячу раз нет. Но он и не был человеком в обычном смысле этого слова.

Тот, кого мы и в дальнейшем будем называть Мефистофелем, был пришельцем с другой планеты, представителем высокоразвитой цивилизации!

Я понимаю, что такое утверждение (statement) звучит несколько неожиданно и странно. Но попробуйте с этой точки зрения рассмотреть сюжет (plot) легенды, и вам всё станет ясно.

Откуда именно прилетел Мефистофель? Пока мы не можем дать ответ на этот вопрос. Будем просто называть планету Мефистофеля по первой букве его имени — планета Эм.

Зачем прилетел Мефистофель? Да затем же, зачем и мы собираемся лететь на соседние планеты: в научных целях.

К моменту встречи с Фгаустом Мефистофель успел изучить многие вопросы, связанные с жизнью землян (earthmen), но из-за своего инопланетного происхождения и личных качеств (personal qualities) давал всему происходящему на Земле слишком субъективные объяснения. На это, кстати, ему не раз указывал доктор Фгауст.

Те, кто посылал Мефистофеля на Землю, предвидели (foresaw), конечно, относительную недостоверность (falsity) сведений, полученных Мефистофелем в его сложной экспедиции. И они поручили Мефистофелю доставить на Эм кого-нибудь из землян — человека, который хорошо бы разбирался (understand) в делах своей планеты.

Конечно, мы сами часто не можем понять, что у нас происходит. Но обитатели планеты Эм, наверное, имели какое-то учение, помогавшее им из противоречивых (contradictory) фактов создать строгую картину того или иного процесса

Итак, Мефистофелю нужно было доставить на Эм одного землянина. И вполне естественно, что он старался найти наиболее опытного и образованного человека. Он выбрал серьезного ученого, энциклопедическая образованность (erudition) и научная добросовестность (integrity) которого не подлежали сомнению (were beyond doubt). И, конечно, в своем выборе Мефистофель оказался прав.

Но вот вопрос: знал ли доктор Фауст, кто такой Мефистофель? Нет, не знал! А пытался ли Мефистофель сообщить, откуда и с какой целью он прибыл? Нет, не пытался. И даже более того — Мефистофель сам уверил Фауста в том, что явился из преисподней (hades). Почему? А вот почему.

Давайте проведем такой мысленный эксперимент. Представим себе, что на Земле в наши дни объявился (appeared) дьявол. Он приходит в гости к современному ученому. Кем он назовет себя? Чёртом? Ни в коем случае! Иначе ему долго придется убеждать ученого в том, что это не дурацкий розыгрыш (joke). Но если чёрт представится гостем из космоса, учёный с огромным интересом отнесётся к этому заявлению и согласится следовать за пришельцем куда угодно.

Так обстоит дело сегодня. Но в средние века было не так. Если бы тогда Мефистофель рассказал Фаусту, кто он и откуда, Фауст принял бы его просто за сумасшедшего. И чтобы доказать Фаусту, что он прилетел с другой планеты, Мефистофелю пришлось бы объяснять средневековому ученому устройство Солнечной системы, теорию относительности (theory of relativity), квантовую физику и принципиальную схему фотонного или плазменного двигателя. Старый Фауст не только не понял бы ничего, но даже и не пытался бы понять, несмотря на все свои способности: слишком много новой информации. Фауст мог бы просто сойти с ума, пытаясь понять объяснения Мефистофеля.

Поэтому проще было выдать себя за нечистую силу (pretend to be the devil), общение с которой тогда хоть и считалось делом ужасным, но было, по убеждению людей, вполне возможно. И Фауст легко поверил этому обману. Тем более, что, пользуясь неизвестными на Земле достижениями науки и техники планеты Эм, Мефистофель умел проходить сквозь стены, становился невидимым, — то есть делал то, что, с точки зрения Фауста, являлось несомненным доказательством (absolute proof) его принадлежности к служителям ада (servants of hates).

Но зачем нужно было Мефистофелю столько времени отдавать Фаусту и показывать ему всякие чудеса (miracles)? Я думаю, были две причины тому. Во-первых, Фауста надо было подготовить к встрече с цивилизацией планеты Эм — прежде всего психоло-

гически. Поэтому Мефистофель создал целый ряд ситуаций, в которых Фауст испытал эмоциональные перегрузки (overload). Кроме того, без соответствующей физической подготовки Фауст не мог бы выдержать условий космического путешествия. Вот почему Мефистофель превратил Фауста в молодого, сильного человека.

Во вторых, Мефистофель не мог насильно взять с собой Фауста на планету Эм. Надо думать, что обитатели планеты достигли огромного прогресса не только в науке и технике, но также в сфере нравственности (morality). Только получив личное согласие (personal agreement) Фауста на переход в другой мир, то есть в мир планеты Эм, Мефистофель имел право доставить его на планету Эм. Такое согласие было получено Мефистофелем в виде договора о продаже души Фауста дьяволу.

Остается еще один вопрос. Как объяснить странный внешний вид Мефистофеля? Конечно, можно предположить, что рогами (horns), хвостом (tail), покрывом шерсти (fur) космический гость украсил себя затем, чтобы заставить Фауста поверить, будто он в самом деле черт. Однако такое предположение нельзя считать основательным. Возможно, что у жителей планеты Эм действительно есть рога, хвосты и даже копыта (hoofs). Может быть, это органы, выполняющие определенные функции. Скажем, то, что мы называем рогами, на самом деле является У-образной антенной, которая, в частности, служит для приема биотоков (недаром ведь Мефистофель умел читать мысли на расстоянии). Не исключено в таком случае, что хвост является средством заземления (earthing), а густой покров шерсти — аккумулятором электричества (вспомните, как из шерсти кошек вылетают искры (sparks)).

Почему, однако, встречи людей с обитателями планеты Эм прекратились в последние столетия? Можно предположить, что обитатели планеты Эм достаточно хорошо изучили нас и теперь изучают жителей других планет нашей Галактики. А может быть, они убедились в том, что земляне пока не в состоянии (unable) понять особенности их цивилизации, и решили подождать, пока земная цивилизация достигнет высокого уровня развития. Возможно, это время уже наступило. И мы с вами должны быть готовы к тому, что в один прекрасный момент к одному из нас явится гость, который скажет: «Здравствуйте, я Мефистофель!»

С этими словами молодой ученый пронзительно (piercingly) взглянул на аудиторию, поправил черный берет на пышных волосах и расстаял в вихре.

М. Чудакова

Пространство жизни

Всё произошло очень быстро.

Крафт ещё бежал к реке, а внизу, в овраге, один из них лежал на траве лицом вверх, другой стоял над ним и вглядывался в лицо своей жертвы (victim).

— Вы арестованы! — крикнул Крафт, подбегая.

Незнакомец медленно обернулся, равнодушно скользнул взглядом по напряжённой фигуре Крафта, сжимавшего в руке браунинг.

Крафт наклонился и попытался нащупать пульс у лежащего, затем сурово посмотрел на незнакомца.

— Почему вы убили этого человека?

— Тут сразу две неправды, — спокойно ответил тот. — Я не убил его, и вряд ли он человек.

Носком ботинка (with the toe of his shoe) он дотронулся до лба убитого, потом присел, вынул что-то вроде циркуля (dividers) и быстро измерил несколько расстояний на его лице, пробормотав при этом:

— Ну, конечно. Лицевой угол (facial angle) почти не изменился.

Крафт не торопился арестованного. А тот между тем раскрыл ладонь убитого, внимательно всмотрелся в неё и несколько раз оттянул большой палец. Потом встал, аккуратно отряхнул (brushed) колени и с кривой усмешкой сказал, обращаясь к убитому:

— До скорой встречи.

Крафту были знакомы эти черты мгновенного умоисступления (delirium), в которое впадает (falls into) преступник сразу после

убийства, если он не стал ещё профессиональным убийцей. Поэтому Крафт не удивился, когда после долгого молчания арестованный обратился к нему с предложением не ставить охрану возле трупа (body).

— Всё равно через час его здесь не будет, — пояснил (explained) он и добавил: — Впрочем, как хотите.

Крафт не поверил словам убийцы, но опыт не позволил ему не принять их во внимание. Во всяком случае надо было подождать и посмотреть, что скрывается за словами «через час его не будет».

Они сидели молча, причём убийца — спиной к месту преступления, а Крафт устроился так, чтобы видеть одновременно и преступника, и его жертву. Вдруг Крафт был потрясён очевидностью (unmistakable truth) невероятного факта: он не видел трупа. Убийца сидел на прежнем месте неподвижно, ни разу не повернув головы. Того, что произошло за его спиной, он, вероятно, видеть не мог. Куда же делся труп? Сквозь землю он, что ли, провалился?

Крафт подвинулся, и тогда преступник оглянулся. Он понимающе покачал головой и перевёл взгляд на белое лицо Крафта.

— Если хотите, пойдёте ко мне, — сказал он. — Я живу рядом.

Крафт пошёл за ним.

В небольшом двухэтажном доме, в кабинете, выдававшем антропологические интересы хозяина, Крафт сел в глубокое кресло, а незнакомец на кожаный диван, устало откинувшись (leaping back) на спинку.

— Вы, кажется, поняли, что арестовывать меня бессмысленно (senseless), — заговорил он. — Но не ждите от меня объяснений. Пригласил я вас для того, чтобы попросить об одном одолжении (favour). Завтра меня здесь не будет. У меня остаются рукописи (manuscripts), которые я, к сожалению, не могу взять с собой. А мне необходимо сохранить их... Сколько вам лет, простите?

Крафту ещё не было тридцати восьми, и это, видимо, устраивало (suited) его собеседника, который сказал, что думает вернуться не раньше чем через тридцать лет, что содержание рукописей — антропологические изыскания (research), которые он не успел довести до конца... Он сказал ещё, что не сделал ничего плохого тому, кого Крафт видел мёртвым.

...В последующие недели Крафта мучил один и тот же вопрос: как мог он, человек, состоящий на государственной службе, предоставить возможность побёга опасному преступнику, поверив его нелепым (absurd) речам, да ещё взять у него на хранение какие-то бумаги? И всё это лишь потому, что преступнику удалось уничтожить труп каким-то неизвестным криминалистике способом!

Шум, вызванный одновременным исчезновением (disappearance) из города двух людей, скоро утих, дела их были сданы в архив. О том, что накануне Крафт побывал в доме одного из исчезнувших, никто не знал. Никто не задавал ему никаких вопросов. Но сам свидетель преступления (witness of the crime) в тот же год ушёл из полиции.

У него появилось много свободного времени. Не удивительно, что в конце концов Крафт решил познакомиться с рукописью человека, сообщником (accomplice) которого он стал по собственной воле.

«Я называю себя Фэст», — прочитал Крафт на первой странице. Бумаги содержали записи, смысл которых не был ясен Крафту. Однако он твердо решил разобраться (understand) в них. Он стал изучать антропологию.

С годами Крафт всё глубже уходил в область антропологии и смежных (allied) наук, и для него становилось ясно, что исследования Фэста носили уникальный характер. Оставив в стороне материалы раскопок (excavations) и всевозможных находок в пещерах (caves) Старого и Нового Света, пользуясь какими-то иными, одному ему известными данными, учёный показал эволюцию человека за последние 50 тысяч лет. При этом Крафта поражала лёгкость, с которой автор описывал и пещерного человека и европейца эпохи Возрождения. Жесты, походка, низкий отрывистый (abrupt) смех женщин эпохи неолита были описаны с непринуждённостью (ease) современника. Многие страницы казались написанными пером блестящего романиста. В целом рукопись производила впечатление гениальной фантастики. Или...

Крафт решил узнать о Фэсте всё, что можно. В архиве полиции сведений оказалось достаточно. Фэст был врач с очень ограниченной практикой. Он появился в городе пять лет назад. Никуда не выезжал. Ходил по городу только пешком. Знакомых у него не было. Семья тоже.

Из всего этого Крафта больше всего интересовало, почему этот хорошо обеспеченный (well off) человек, имеющий много свободного времени, никуда не ездил? Крафт изучил все его маршруты в черте города и пришёл к любопытным выводам. Перемещения (movements) Фэста внутри города укладывались в четкий прямоугольник, одной из сторон которого был тот самый овраг (ravine), где они когда-то встретились над безжизненным телом. Расстояние между верхней (северной) и нижней (южной) сторонами прямоугольника не превышало двух километров. Похоже было на то, что город для него был своеобразной (a kind of) тюрьмой, куда заключила его собственная или чужая воля.

В архиве полиции Крафт разыскал ещё три дела «об исчезно-

вении (disappearance) жителя города». Самое давнее из них было заведено 150 лет назад. Обстоятельства всех трёх исчезновений были похожи. Люди исчезали ночью, без вещей, и никто никогда их больше не видел. Крафт внимательно изучил все, даже самые незначительные подробности (insignificant detail) этих дел и пришёл к поразительному выводу: каждый раз исчезало одно и то же лицо!..

Шли годы. Город менялся. На месте дома Фёста был построен городской бассейн. Сам Крафт дважды сменил жильё.

К старости Крафт особенно полюбил небольшой, но уютный бар, выстроенный лет десять назад недалеко от того самого оврага. Кроме хорошего пива, которое подавали там, было ещё одно обстоятельство, немаловажное для Крафта: если Фёсту суждено (fated) снова появиться в их городе, то, по гипотезе Крафта, он должен был появиться именно здесь.

Так и случилось однажды. В тихий октябрьский вечер внезапно на пороге бара возник Фёст, словно вышел из стен.

Несмотря на свой 67 лет, Крафт сохранил не только ясность ума, но и силу духа (strength of mind). Ему понадобилось немного времени, чтобы справиться с охватившим его волнением. В сущности, он увидел то, что ожидал увидеть, — Фёст несколько не изменился за прошедшие тридцать лет. Крафт махнул ему рукой, и Фёст направился к его столу, пристально (intently) взглядываясь в Крафта.

— Это вы, дорогой друг, — тихо произнёс он. — Случайно ли вы здесь или ждали меня?

— Я ждал вас, — твёрдо сказал Крафт. — Я хочу, чтобы вы рассказали мне всё и сняли наконец этот груз с моей души. Руккописи ваши целы...

— Путь мой кончается, — сказал Фёст. — Конечно, я расскажу вам о себе.

Крафт подозвал официанта и заказал два пива.

— Собственно, самое главное можно сказать в двух словах. Вы конечны во времени, а я конечен в пространстве, вот и всё.

Крафт кивнул (nodded) головой. Нечто подобное он как раз и подозревал (suspected).

— Во времени, — продолжал Фёст, — мой путь в прошлом гораздо длиннее вашего, а в будущем бесконечен. Но в пространстве он много короче вашего. Так же, как и вы, я неуклонно приближаюсь к смерти, то есть к исчезновению, только вы исчезаете во времени, а я — в пространстве. И как вам не пережить, наверное, столетнего возраста, так я не переживу пространства, которое мне определено. Мне осталось метров триста в длину и пятьдесят в ширину.

Он замолчал и с минуты задумчиво разглядывал свою кружку, которая оставалась почти полной. Потом усмехнулся и продолжал:

— Время всегда течёт плавно (evenly), и самый неприятный ваш день тянется ровно столько часов, сколько любой другой, а пространство порой сжимается рывками (compresses in jerks). Неожиданно видишь, что его осталось меньше, чем ты рассчитывал.

— Ага, и тогда вы...

— Ухожу в другое время. Сдержат сокращение (compression) пространства я не в силах, как вам не дано сдержат бег времени. Но вы можете удлинять свою жизнь за счёт пространства. О человеке, много ездившем по земле, побывавшем на других планетах, вы говорите: «Он прожил не одну, а десяток жизней». Я же удлиняю свою жизнь за счёт времени. Я прожил очень много жизней, но все они прошли на маленьком пятнышке (plot) земли, за пределы которого я не в состоянии вырваться.

Крафт заинтересовался тем, как далеки бывают путешествия Фёста.

— Как угодно далеки, — ответил Фёст. — Можно вернуться в своё прежнее время, постаревшее ровно на столько лет, сколько я прожил в другом времени. Однажды, вернувшись слишком рано, я увидел больную и дряхлую (broken-down) старуху, которая была когда-то моей женой. Я встретился и с дочерью, красивой женщиной, по виду старше меня на пятнадцать лет. Она сказала, что я напоминаю ей отца, который был так же красив и элегантен...

— Но неужели вас никогда не узнавали? Ведь вы же могли снова оказаться в кругу своих родных и друзей?

Фёст улыбнулся.

— Об этом смешно и говорить. Кто же в наши времена верит чудесам? Вы первый, дорогой Крафт, кто взглянул прямо в глаза очевидному, хотя оно полностью противоречит так называемому здравому смыслу (common sense).

Они помолчали.

— Говард, Пелье и Фослер, исчезнувшие в своё время из города, — это были вы? — спросил Крафт, хотя ответ ему был заранее известен.

— Да, я. И каждый раз не по своей воле. Меня подстерегают свои опасности. Я тоже ведь не свободен от случайностей. Например, однажды, кажется, в начале прошлого века, я имел неосторожность взять экипаж. Дом, куда я спешил, стоял на точке, давно уже пройденной мною. Но кучер был пьян и промчал меня вперёд метров на десять — расстояние для меня очень большое.

Онó существенно сократило мою жизнь. Я выскочил на полном ходу, сломав при этом ногу. С тех пор я никогда не езжу. Это оказалось для меня слишком дорогим удовольствием. Но настоящий враг у меня...

— Тот, с которым вы дрались тогда?

— Да, это был он, Сэканд. Он такой же, как я, но между нами есть одно отличие (difference). Он появился позже меня и с некоторыми поправками (modifications), которые сближают его с обыкновенными людьми. Как вы не знаете, что случится с вами завтра, так и он не знает, что произойдет с ним на следующем метре пространства и в какое время он будет заброшен. Какая-то посторонняя (exterior) сила управляет им. Ему, конечно, гораздо легче, чем мне. Ему не надо самому принимать решение уйти от близких людей в другое время, где, быть может, найдешь пустыню (desert) или горы трупов на знакомом месте. Но этот идиот считает, что самому управлять временем, — великое благо, которого он незаслуженно лишён. И поэтому он ненавидит меня. В тот раз он пытался затащить меня в реку и ему удалось отнять у меня пять метров жизни. Не знаю, зачем ему всё это нужно. Но мне пришлось тогда сразу уйти в прошлое.

— А он куда исчез тогда?

— Мой удар отправил его в другое время, вот и всё. Не исключено, что он сейчас где-нибудь неподалёку, среди своих праправнуков.

Крафт вздрогнул и окинул взглядом (cast a look) опустевший бар. На мгновение ему представились силуэты этих ещё не родившихся людей...

— Возможно и другое. Он путешествует по времени и вперёд и назад. В тот раз он вернулся из очень далёкого прошлого. Ужасно было видеть на обычном европейском лице страшный оскал (grin) неандертальца. Он бросился на меня, и если бы я его не ударил, то он отнял бы у меня десятков метров...

— Но что делать? — продолжал он. — Мы с Сэкандом оказались на одном и том же пространстве, а вы живёте со своими врагами в одном времени. Всё это не так уж существенно (significant). Ужасно другое — постоянное ощущение (sensation) конечности пространства, беспрестанное (constant) приближение к конечной точке, сознание, что тебе осталось несколько жалких десятков метров.

— Я думал, что вы не боитесь смерти.

Фёст опустил голову.

— Ведь вы не знаете о ней ничего.

— Я понимаю вашу мысль, — взволнованно сказал Фёст. — Я сам анатомировал много и знаю, как выглядит человек, окончив-

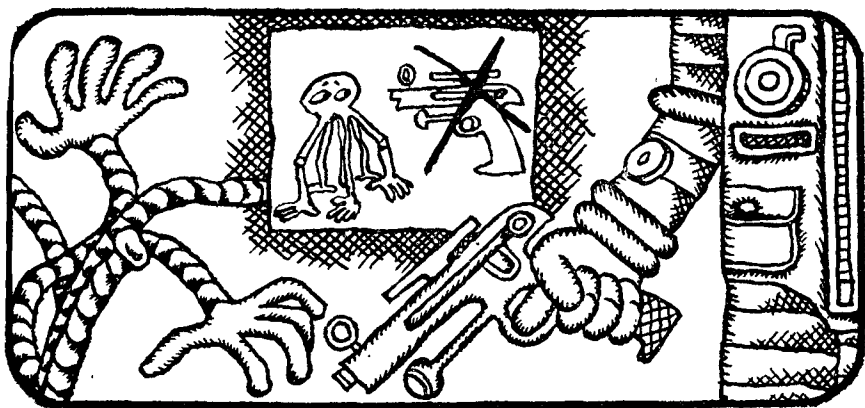
ший свой путь во времени. Но страшно даже помыслить о том, что будет со мною, когда не останется больше пространства...

Бар уже запирали, и они вышли на воздух. У дома Крафта они распрощались, договорившись наавтра встретиться снова.

Крафт долго не мог заснуть в эту ночь. Он думал о том, какое неслыханное счастье (unheard — of good fortune) выпало ему. Остаток дней он проведёт в беседах с человеком, повидавшим такое, что не записано ни в каких книгах земли.

Наутро Фёст не пришёл. В полдень Крафт вышел из дому и, купив одну из утренних газет, сразу увидел сообщение о неизвестном молодом человеке, который проходил вчера вечером по одной из улиц северной части города и был сбит экипажем. Возница (driver) подобрал пострадавшего (тот потерял сознание) и повёз его в городскую больницу. Когда экипаж остановился у её подъезда (entrance), выяснилось, что пострадавшего нет. Тщательный осмотр местности ничего не дал. Тело, по-видимому, свалилось с моста в реку, через которую проезжал экипаж, и было унесено течением (current).

Крафт снял шляпу. Он-то знал, что Фёст окончил свой путь.

Д. Биленкин

Случай на Оме

Тёмно-малиновое (dark-red) солнце планеты Ом низко висело над лесом. Небо было цвета меди, и вокруг стоял светлый красновато-золотистый сумрак (dusk). Огромные деревья повернули к закату свои глянцевые (glossy) листья. Было тихо.

Преодолевая сопротивление (resistance) плотного воздуха, Майоров торопливо шёл по едва заметной тропинке, которая вела к буровой (well), где, как только что сообщили, ударил мощный (mighty) фонтан нефти синего цвета. Новая разновидность нефти? На всех планетах цвет нефти был чёрный, бурый, жёлтый, иногда розовый. Синий цвет был новостью, и Майоров спешил взять пробы для анализов.

Вдруг он почувствовал на себе взгляд. Он резко остановился и обернулся. Никого. Ничего. Майоров ускорила шаг, на всякий случай расстегнув кобуру (holster) плазмострела *. Вскоре он успокоился. Окрестные (surrounding) леса были хорошо изучены и считались безопасными. Если только сюда мог каким-то образом попасть одинокий стратопаук...*

Стратопауки отличались непонятной агрессивностью. Для любого животного человек в скафандре (space suit) — это движущаяся глыба (mass) металла. Кто же станет нападать на шагающий кусок железа? А стратопауки напали в первый же день. Разумеется, плазмострелы обратили их в пар, как только они приблизились к людям, и нападения стратопауков вскоре прекратились.

Чудовища (monster) эти были на редкость противны. Самый омерзительный (disgusting) земной паук (spider) выглядел бы красавцем в сравнении с десятиногим трёхметровым чудищем.

При мысли о встрече со стратопауком Майорова охватила холодная дрожь.

Майоров стал спускаться по крутому склону (slope), вниз указалась тёмная щель оврага (ravine). «Ещё четверть часа ходьбы, — подумал он. — До темноты успею дойти до буровой». Вдруг он услышал позади себя какой-то шорох. Обернувшись, Майоров увидел вверх, на краю оврага, в ярком свете заката (sunset) громадного стратопаука. От неожиданности Майоров потерял равновесие, попытался ухватиться за ствол дерева, но перчатки лишь скользнули по коре (bark), и он стремительно покатился, переворачиваясь, на дно оврага. Он сильно ударился и потерял сознание.

Придя в себя (regained consciousness), Майоров почувствовал сильную боль в ноге. Он попробовал встать, но бхнул (gasped) от боли и остался лежать. Метрах в пяти от себя он вдруг увидел стратопаука.

Какую-то долю секунды мир для Майорова был неподвижен. Неподвижно горел высоко в небе закат, неподвижно стояли огромные деревья, застыл с двумя протянутыми к Майорову щупальцами стратопаук, его круглые, жутко (horribly) светящиеся глаза в упор (directly) неподвижно смотрели на Майорова.

Рука Майорова медленно потянулась к плазмострелу. Увидев направленный на него плазмострел, паук внезапно завыл (howled), его щупальца потянулись к Майорову. Майоров выстрелил, и жуткое видение (horrid apparition) исчезло в ослепительной вспышке (burst) выстрела.

Несколько секунд Майоров ничего не видел. Когда же зрение восстановилось (restored), ему сразу бросилось в глаза лежащее рядом с ним мешковатое (clumsy) тело стратопаука. Поспешный (hasty) выстрел только задел хищника, но оказался всё-таки смертельным. Стратопаук умирал. Его щупальца конвульсивно дергались, обнимая, словно в мольбе (prayer), ноги Майорова. Из его раны текла, булькая и пенясь (bubbling and foaming) тёмная жидкость; глаза с упреком (reproach) смотрели на Майорова; из чёрной пасти вырывался прерывистый (groans) стон.

Майоров безглаголиво (with disgust) сбросил с ног щупальца. Нестерпимо болела повреждённая нога, но он всё же поднялся. С гордостью посмотрел он на издыхающее (expiring) чудовище. Стратопаук всё ещё жалобно стонал.

«Раньше надо было нападать, — презрительно (contemptuously) сказал Майоров. — О чём ты думал? Я ведь был без сознания.»

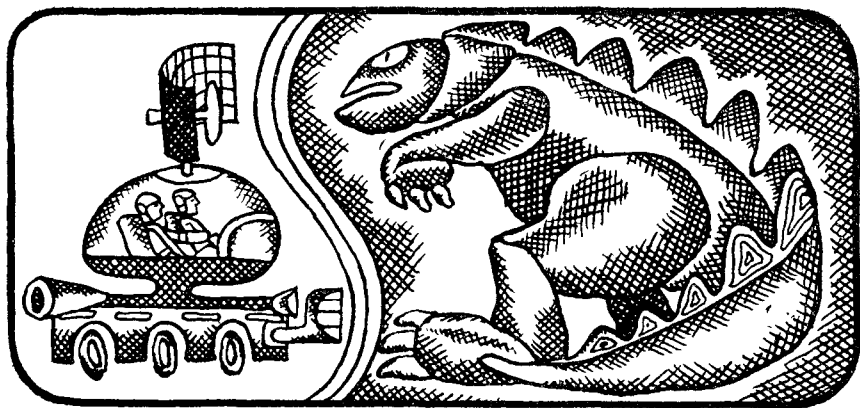
И он с удовлетворением (satisfaction) подумал, что биологам наконец-то достанется почти неповреждённый (unimpaired) экземпляр.

Щупальца стратопавка больше не двигались. И тут Майорову показало... Нет, это не был обман зрения: у него под ногами лежало что-то, похожее на трубку. Он поспешно нагнулся. И почувствовал (felt cold): то был свернутый в трубку кусок тонкой коры.

Дрожащими пальцами Майоров развернул трубку. На гладком листе был мелом (chalk) нарисован человек в скафандре рядом со стратопавком. Между ними крупно изображён был плазмострел, перечёркнутый (crossed out) крест-накрест.

Расширенными от ужаса глазами Майоров посмотрел на убитое им существо (creature)...

плазмострел, fantastic weapon shooting plasma
стратопавк, fantastic insect shaped like a spider

Е. Войскунский, И. Лукодянов

Формула невозможного

Планета, на которую опустился звездолёт «Юрий Гагарин» * была меньше Земли, и ходить по ней было легко. Воздух напоминал земной, и космонавты с удовольствием вдыхали его.

В нежно-зелёном небе пылало красноватое солнце, вокруг был густой лес; на горизонте виднелись горы. Было бы интересно заняться исследованием планеты, но один из отсеков (hatch ways) «Юрия Гагарина» был пробит метеоритом и был нужен серьёзный ремонт, а экипаж состоял всего из шести человек. Поэтому по приказу командира звездолёта Прощина экипаж принялся ремонтировать отсек.

На исходе (at the end) вторых суток (сутки здесь составляли семнадцать с четвертью земных часов) из фиолетовых зарослей (bushes) высунулась отвратительная морда (hideous head) ящера на длинной чешуйчатой (scaly) шее.

— Привет, — негромко произнёс кибернетист Нёвиков. — Посмотрите, ребята, на этого красавца (beauty).

Биофизик Резницкий бросился за кинокамерой, но «красавец» в этот момент попятился назад и исчез в зарослях.

— Командир, — обратился к Прощину Нёвиков, — разрешите прогуляться по окрестностям (surroundings).

— У нас другая задача, — ответил Прощин. — Нам нужно спешить.

Резницкий кивнул, соглашаясь с командиром, но потом деловито сказал:

— Трёхчасовую вылазку (excursion), я думаю, можно сделать. Вездеход * не пострадал. А первичную информацию (preliminary information) следовало бы собрать.

Прощин вопросительно посмотрел на бортинженера, тот коротко махнул рукой: пусть идут, сами управимся (will manage).

— Хорошо, — сказал Прощин. — Идите. Но ровно через три часа прошу быть на месте. До наступления темноты.

Так вот и получилось, что Резницкий и Нёвиков отправились в свой злополучный поход (ill-fated expedition).

Вездеход пробирался (had torn through) сквозь лес. Тугие ветки с фиолетовыми листьями били по смотровым стёклам. Вдруг Нёвиков, сидевший за рулём вездехода, увидел среди деревьев странный предмет. Они подъехали ближе. Лес поредел, открылась большая поляна (clearing). Космонавты увидели непонятное сооружение (construction): на чёрных столбах (poles) в три этажа лежали огромные плиты (slabs).

— Ну вот, — возбуждённо сказал Нёвиков, доставая кинокамеру. — Поздравляю. Такое сооружение могли построить только разумные существа.

Разведчики открыли люк и хотели уже вылезти наружу, как вдруг послышался треск ломаемых зарослей и на поляну стали выбегать звери, словно сошедшие со страниц учебника палеонтологии. Целое стадо ящеров (herd of pangolins) с тяжёлыми хвостами торопливо прошло мимо вездехода. И тут появились теннисные ракетки (tennis rackets).

Их было штук шесть. Они были метра в три высотой, но формой напоминали именно теннисные ракетки. Они летали, задевая высокую траву.

Инструкция предписывала (stated) в случае встречи с неизвестными беспилотными устройствами (pilotless apparatuses) немедленно выйти из зоны возможного столкновения (collision) и удалиться на расстояние, соответствующее скорости и направлению беспилотных устройств.

Вездеход помчался (dashed) назад, но на втором десятке метров резко остановился. Двигатель продолжал работать, гусеницы (tracks) рвали почву, но вездеход стоял, словно упершись (held up by) в невидимую стену. В смотровых стёклах мелькнули две три ракетки.

Нёвиков повернул машину влево. Но и влево путь был закрыт. И вправо тоже. Лишь в одном направлении вездеход мог двигаться свободно — в ту сторону, куда шли ящеры.

— Ракетки загоняют нас куда-то, — сказал Резницкий. — Вызовите Прощина.

На экранѣ телесвязи появилось озабоченное (anxious) лицо командира.

— Что случилось?

— Невидимое препятствие (obstacle), — сказал Нёвиков, — могу двигаться только в одном направлении, куда бегут звери.

— Какие звери?

Нёвиков объяснил.

— Попробуйте остановиться и подождать, — сказал Прощин.

Нёвиков остановил машину. И тотчас страшная сила прижала разведчиков (pressed... down in their seats) к сиденьям. Нёвиков застонал от пронзительной (piercing) боли в костях. С огромным трудом удалось ему включить двигатель. Вездеход тронулся (moved off), и ощущение тяжести моментально исчезло. Но оно возникало каждый раз, как разведчики пробовали изменить курс. Машина могла двигаться только в том направлении, куда шли звери.

— Да, — сказал Нёвиков, — попались (we're in for it) мы. Гравитационная ловушка (trap).

Резницкий молчал. Он внимательно наблюдал за чёрной ракеткой, которая летела справа от вездехода.

— Это роботы, — заговорил он наконец. — Они куда-то гонят ящеров и приняли вездеход за животное, которое сопротивляется. У них, видно, такая программа.

— Что же будем делать?

— Нападения (attack) на нас нет, поэтому оружие применять мы не можем. Будем ждать.

Всю ночь вездеход медленно шёл в середине стада, освещая фарами чешуйчатые туловища (bodies) зверей, и свернуть в сторону по-прежнему мешала невидимая стена.

Внезапно стало светло, наступило утро, и разведчики увидели впереди, в склоне холма, полукруглое отверстие (opening); и в это отверстие начали втягиваться (draw in) звери.

— Хватит, — сказал Нёвиков. — Надо вылезать из машины. Я в этот туннель не поеду.

— Да, пожалуй, — согласился Резницкий.

Нёвиков выключил двигатель; взял всё необходимое: кинокамеру, бортовой журнал, рацию и плазмострел (log book, radio and plasm-shooter), — они покинули машину. Перегрузка (overload) сразу исчезла, и оба освобождённо вздохнули.

Целая стая роботов-ракеток окружила вездеход и потащила его в чёрную дыру туннеля. На людей роботы не обратили никакого внимания.

Оставшись одни, Нёвиков и Резницкий немедленно связались

по ра́ции с командиро́м «Ю́рия Гага́рина». Про́шин вы́слушал их со-
общение и обеща́л присла́ть за ни́ми вертолёт (helicopter).

Но́виков и Резни́цкий повеселе́ли. В ожида́нии вертолёта о́ни
реши́ли пойти́ да́льше: мо́жет быть, уда́стся встре́тить тех, кто
управляе́т робо́тами.

Но не успе́ли о́ни сде́лать не́сколько шаго́в, как знако́мое
ощуще́ние тяжести пригну́ло (pressed) их к землё. Ещѐ не́сколько
шаго́в — и перегру́зка ста́ла нестерпи́мой (unbearable). Разве́д-
чики отступи́ли. О́ни пошли́ вдоль невиди́мой прегра́ды (barrier),
нащупыва́я её вы́тянутыми рука́ми.

— Гравита́ционная сте́на, — сказа́л Но́виков. — Кто́-то опреде-
лённо хо́чет познако́миться с на́ми... Интере́сно, высока́ ли она́?

Он по́днял с земли́ ка́мень и с си́лой бро́сил его́ вверх. Сна-
ча́ла ка́мень летѐл по криво́й ли́нии, пото́м вдруг ре́зко сверну́л
вниз и с о́громной ско́ростью упáл. О́ни ста́ли броса́ть ка́мни
и вско́ре по́няли, что гравита́ционная сте́на не вертика́льная, а
накло́нена́ внутрь.

— Ясно, — сказа́л Но́виков. — Мы под сло́нним колпа́ком
(under a continuous cover).

Он связа́лся (made contact) с командиро́м, и тот прика́зал
иска́ть прохóд (path) в гравита́ционной сте́не.

О́ни пошли́ вдоль невиди́мой сте́ны.

Вдруг спра́ва, в глубине́ ро́щи, о́ни уви́дели что́-то стра́нное.
Было́ похо́же, что кру́тится о́громное вертика́льное колесо́. Но́-
виков и Резни́цкий бы́стро напра́вились в глубь ро́щи (grove).

— Там кто́-то сиди́т, — шёпотом (in a whisper) сказа́л Но́-
виков. — Как у нас в па́рках...

О́ни вы́шли на большо́ую поля́ну и остано́вились уди́вленные.
Крути́лось аттра́кционное колесо́ (ferris wheel) с подве́нными крес-
лами, в кресла́х сидѐли блѣдно-се́рые существа́ (beings) похо́жие
на люде́й. Вокру́г колеса́ броди́ли (walked) и лежа́ли на травѐ
такие же существа́ — ви́димо, жда́ли своѐй оче́реди (turn). Все
о́ни бы́ли соверше́нно го́лые. У ни́х бы́ли ма́ленькие го́ловы, дли́н-
ная ше́я пере́ходила в у́зкое ту́ловище, кото́рое расписа́лось
кни́зу; корóткие ру́ки едва́ (hardly) дости́гали живото́а, а но́ги
бы́ли то́лстые и масси́вные, как ту́мбы.

В по́лной ти́шине́ се́рые существа́ крути́лись на колесе́, то
поднима́ясь на пятидеся́тиметро́вую высоту́, то пролета́я над
густо́й траво́й, — а други́е мо́лча жда́ли своѐй оче́реди.

Но́виков попы́тался зна́ками показáть одному́ из ни́х, что хо́чет
с ним погово́рить, но существо́ равноду́шно и хо́лодно скользну́ло
взгля́дом (slid his gaze) по лицу́ Но́викова и ме́дленно удали́лось.

Ме́жду тем колесо́ крути́лось всё бы́стрее и бы́стрее. Кресла́ с
се́рыми существа́ми взлета́ли к не́бу и па́дали вниз; вдруг се́рое

тѣло вылетело из подвеснаго кресла, перевернулось и с глухим стуком упало на землю. Нѣвиков и Резницкий бросились к нему. Однако помощи не требовалось: серое существо разбилось насмерть.

Откуда ни возьмись * появилась ракетка-робот, подхватила тѣло своими крючками и умчалась.

Разведчики посмотрѣли на колесо: оно крутилось медленнее.

— Да-а,— протянул Нѣвиков.— Что вы думаете об этом, Сергей Сергѣевич?

— Пойдѣмте-ка, Алѣша, к стенѣ,— сказал Резницкий,— надо искать проход.

— Пойдѣмте...

Тут вниманіе их привлекли небольшіе чѣрные пирамидки (pyramids), стоявшіе здесь и там на поляне; на каждой лежали желтые диски с чѣрными квадратами внутри. Сооруженіе было похоже на автоматическіе кормушки (feeding trough)...

Подавленные (depressed) и молчаливые разведчики вернулись к невидимой стенѣ и пошли вдоль неѣ.

К концу дня они вернулись к тому мѣсту, где в загадочном (mysterious) туннелѣ исчез вездеход. Гравитационный колпак накрывал целую сотню квадратных километров, не меньше. Прохода нигдѣ не оказалось.

— Неужели вся эта мощная силовая защита — только для того, чтобы обезпечить спокойное существованіе (provide a quiet) идиотам? — удивлялся Нѣвиков.— Чтобы они тут ходили голышом (naked) и катались на колесѣ? Бродят себѣ по роще, валяются в травѣ, едят из автоматических кормушек... Чем не райская жизнь (paradise)?

Нѣвиков и Резницкий уже давно проголодались, но есть из кормушек не решались.

Вдруг в глубинѣ рощи они увидели странный решетчатый купол (barred dome); вокруг него был широкій, заполненный водой ров (moat). Кроме купола на островкѣ было еще несколько непонятных сооружений (constructions) из чѣрнаго стекла, в видѣ башен (towers).

— Явно центр управленія,— сказал Нѣвиков.— А ров, конечно, сделан для того, чтобы эти слабоумные (idiots) не могли прийти и что-нибудь испортить. Они, должно быть, боятся воды.

— Вы хотите сказать, что мы не боймся воды,— Резницкий понимающе посмотрѣл на Нѣвикова.— Ну что ж, можно рискнуть.

Они разделились и повѣсили комбинезоны (overalls) повыше на вѣтки дѣрева, чтобы серые существа не могли дотянуться (reach) до них, потом переплыли ров.

Пробравшись под купол через широкіе клѣтки решѣтки, они

увидели несколько установок (apparatuses), похожих на химические аппараты. На чёрных корпусах аппаратов разноцветными красками были нарисованы сложные комбинации спиралей, прямых и кривых линий.

— Вон как разрисовали,— сказал Нёвиков, разглядывая установку.

Центр работал. Рисованные схемы непрерывно меняли свой цвет.

— Ну что ж,— бодро сказал Нёвиков,— в конце концов это всего лишь кибернетическое устройство. А раз так, то мы с вами, Сергей Сергеевич...

— Алёша,— прервал его Резницкий.— Наклонитесь ко мне.— И он прошептал Нёвикову в ухо: — Не надо здесь разговаривать. Оно может слушать и анализировать наши разговоры. Оно наверняка наблюдает.

— Гм... Верно. Но давайте попробуем говорить инскажательно (allegorically).

Разведчики тщательно осмотрели установки под куполом. Затем проникли (climbed into) в большую башню. Здесь помещалось устройство (apparatus), которое сразу заинтересовало Нёвикова, и он решил немедленно зарисовать схему этого устройства. Он вынул из футляра, висевшего у него на поясе, бортовой журнал и карандаш и принялся быстро переносить схему на бумагу. При этом, чтобы обмануть машину, он приговаривал:

— Замечательная игрушка, дети будут просто визжать от восторга (scream with joy)... Ничто так не развивает здоровую любознательность (curiosity), как игры на свежем воздухе, а свежий воздух, товарищи, это всё-таки свежий воздух...

Резницкий слушал чепуху (nonsense), которую бормотал Нёвиков, и терпеливо ждал, пока тот старательно зарисовывал схему.

Затем они снова перешли ров. Вода была тёплая, и воздух был тёплый,— видимо, работала установка искусственного климата. Разведчики вернулись на поляну с кормушками и без сил опустились на траву. Они с утра ничего не ели.

Был час очередной кормёжки (feeding). Идиоты меланхолично жевали (chewed) жёлтые диски, в вечернем освещении их тела казались серебристыми.

Вдруг Резницкий поднялся и решительно пошёл к ближайшей кормушке. Он чуть помедлил, потом тронул пальцами чёрный квадратик. Жёлтый диск вывалился на ладонь Резницкого, и он жадно впился (bit into) в диск зубами...

На исходе ночи Резницкого разбудил звук тяжёлых шагов. Кто-то топал (was tramping) рядом, шуршала (rustled) трава.

Биофизик поднял голову и увидел серое существо. Оно то одной ногой, то другой толкало футляр с кинокамерой.

Резницкий тронул рукой за плечо Нёвикова, спавшего рядом. Тот сразу сел, спросил громко:

— Что случилось?

Биофизик указал на серое существо.

— Ха! — воскликнул Нёвиков и быстро вскочил, но Резницкий успел схватить его за руку.

— Подождите, Алёша, давайте понаблюдаем.

— Но он же раздавит камеру! Посмотрите на его ножичку!

— Лучше взгляните на его зад. Видите? Хвостик. — Резницкий взял фотокамеру и сделал несколько снимков подряд. — Очень интересно, — продолжал он. — Проявление любопытства к незнакому предмету... Это какой-то проблеск (glimpse of hope), Алёша...

Не слушая его, Нёвиков кинулся к существу и выхватил кинокамеру из-под его поднятой ноги.

— Игрушку нашёл? — грубо крикнул он. — Катайся на своём колесе, а сюда не лезь.

Существо безропотно (obediently) ушло. Резницкий поспешил за ним, встал у него на дороге и протянул карандаш. Существо посмотрело на карандаш ничего не выражающим взглядом, затем медленно протянуло четырёхпалую руку и взяло неуклюжими (clumsy) пальцами предмет. Резницкий вынул из кармана блокнот и ещё один карандаш и протянул (held out) всё это существу, но оно уже не смотрело на Резницкого. Оно зажало карандаш в кулачке (fist), повернулось и медленно пошло в сторону. Резницкий слышал, как оно довольно повизгивает (squealed).

Они сообщили Прощину о своих открытиях, а он, в свою очередь, сообщил, что киберразведчики изучили планету и ничего не обнаружили, кроме ящеров и развалин (ruins) каких-то очень древних сооружений (structures). Прощин сказал, чтобы они продолжали изучение автоматического центра — раз у них появилась пища.

Разведчики позавтракали жёлтыми дисками и пошли к Центру, по дороге уточняя план действий. Прежде всего следовало изучить блок программирования, схему которого Нёвиков уже зарисовал. Принципиально в блоке, как утверждал Нёвиков, не было ничего резко отличного от земных счётно-решающих устройств (calculating machines). Однако требовалось разгадать некоторые частные, но важные различия. Затем надо было найти участок электронного мозга (electronic brain), управляющий силовой защитой (power-protection) зоны, и заставить его принять команду о снятии силовой защиты. Или, по крайней мере, заставить

открыть в гравитационной стене проход. Ведь был же сделан проход для загона (drive in) животных — значит, в программе Центра имела́сь такая задача. И Нёвикову неожиданно пришло в голову, что из тех зверей, которых загоняли в туннель тённые ракётки, и были сделаны жёлтые диски — такие приятные на вкус! Он поделился этим соображением (ideas) с Резницким, и тот согласился с ним.

Они переплыли ров и направились в башню, где находился блок программирования.

Несколько часов подряд наблюдали они за работой электронного мозга. Нёвиков записал все необходимые сведения (all the necessary data), которые помогли бы понять язык Центра.

В чёрном куполе, который возвышался над блоком программирования, светился зелёный кружок. Очень быстро Нёвиков и Резницкий заметили, что зелёный глаз постоянно смотрит на них, следит за всеми их передвижениями. От этого им стало как-то не по себе *. Решили сбить машину с толку *.

— Петух схватил мокрую тряпку и повесил её на балконе, — сказал Резницкий.

— Слоп бе-семь шах! — ответил Нёвиков.

— Последнее дело — запивать шашлык лимонадом...

— Инспектор укусил муху за левую ногу...

Обмениваясь подобными замечаниями, они внимательно изучали все рабочие системы машины.

Внезапно оба почувствовали усталость, непреодолимое желание уйти из башни.

Они покинули Центр и вернулись на лужайку с кормушками.

Они ясно видели, что вдаль под порывами ветра раскачивались деревья, на небе клубились тучи. А в роще по-прежнему было тихо, не дрожал ни один лист на деревьях, и серые существа бродили беспечно по лужайке и роще, валялись на траве, а, когда настал час ужина, потянулись одно за другим к кормушкам.

Нёвиков и Резницкий тоже съели по жёлтому диску, потом стали разбирать свои записи и зарисовки. Скоро они поняли, что сами не справятся. Нёвиков вызвал по радио Прощина и передал ему полученные данные. Вычислительная станция корабля обрабатывает их, и они получают ключ к программам Центра.

В роще зажглось вечернее освещение. Нёвиков лёг на траву, закинул руки за голову и задремал. А Резницкий подсел к идиоту, отдыхавшему поблизости, и осторожно коснулся пальцами его руки, отыскивая пульс. Идиот даже не взглянул на Резницкого — видно, лень было шевельнуть веками (open his eyelids). Он медленно перевернулся на другой бок.

Вдруг над рощей пронёсся (swept) высокий печальный звук. Он делался всё выше и выше и стал нестерпимым (unbearable) для слуха. У Резницкого запыли (began to ache) зѳы. Нѳиков сел и зажал ѳши ладѳнями. По всей роще поднимались с травѳ сѳрые существа, а те, что бродили, останавливались, задирая (threw up) головы кверху.

Высокий звук оборвался, возникла странная мѳзыка: медленное трезвѳчие (triad) повторялось в разных тонах. Сѳрые существа принялись раскачиваться из стороны в сторону.

— Идиѳты танцѳют! — Нѳиков изумленно (astounded) смотрѳл вокруг.

— Посмотрите на вѳшего знакомого, — сказал Резницкий.

— Где он? Как вы его отличаете?

— Вон тот, с карандашѳм в руке.

— А, вижу, — сказал Нѳиков и направил на танцѳющих кинокамеру.

Танцы продолжались ѳколо получаѳса. Затем раздалось вѳющее «вл-вл-вл-вл-вл», вдруг голос Резницкого отчетливо (clearly) произнес:

— Инспектор укусил мѳху за лѳвую нѳгу.

Онѳ недоумѳнно переглянулись (exchanged astonished glances).

А над рощей неслѳсь:

— Последнее дело — запывать шашлык лимонадом.

— Слон бе-семь шах!

— Петѳх схватил мѳкрую трѳпку...

Машина в стрѳгом порядке — от конца к началу — повторила всѳ, что разведчики говорили во время двух посещѳний Цѳнтра. Затем машина быстро произнесла запись в обратном порядке и занялась изучѳнием грамматики.

— Шашлык запывать свѳжий вѳздух... Петѳх укусил слон на балкѳне... Визжать от востѳрга бѳдут инспектор...

Цѳнтр и так и этак переставлял слова, пока ему не удалось найти способ выделения (grouping) слов в определѳнные группы. «Запывать — визжать — слѳшать — анализировать, — группировала машина. — Нѳгу — мѳху — трѳпку».

— Лѳбно работает (good work), — прошептал Нѳиков, ему было и интересно, и страшновато.

— Хорошо, что мы не выболтали (blurt out) там своих намерѳний (intentions), — тихо сказал Резницкий. Лицѳ у него было блѳдное, в крупнѳх каплях пота.

Накѳнѳц всѳ стѳхло. После небольшой пѳузы машина завѳла (howled): «вл-вл-вл», потѳм наступила глубокая тишина.

Сѳрые существа после окончѳния танцев почти все улеглись спать, лишь нѳсколько фигур бродило (rambled) среди деревьев.

А знакомый стоял рядом в напряжённой позе, вытянув длинную шею, и безгубый рот его слегка шевелился.

— Концерт окончен, — проговорил Нёвиков и утомлённо (wearily) опустился на землю. — Такие-то дела, друг мой.

В семь утра по местному времени они связались с кораблём и получили свои данные, обработанные вычислительной станцией.

— Вы уверены, Алёша, — спросил Нёвикова командир корабля, — что сумеете запрограммировать задачу о снятии защитного поля?

— Уверен, — без колебаний ответил Нёвиков. — Если, конечно, Центр не будет активно противодействовать (resist)...

— Поторопитесь. Мы скоро закончим ремонт. Вы слышите? Поторопитесь.

— Хорошо.

Нёвиков после завтрака отправился в Центр продолжать работу, а Резницкий остался в роще: он торопился закончить свои исследования.

Когда Нёвиков около трёх часов дня возвратился в рощу — «к обеденному диску», как они говорили, — он застал Резницкого в сильном возбуждении (excitement).

— Они катались на колёсах... Да, они катались на колёсах, и колесо очень сильно раскрутилось. Двое вылетели из кресел, один за другим, и разбились насмерть...

— Да вы успокойтесь, Сергей Сергеевич...

— Нет, вы понимаете — я посмотрел потом: там есть устройство для раскрывания на ходу (a device for opening while in motion) кресла...

— Вы не волнуйтесь так, Сергей Сергеевич. Всё очень просто. Я разобрался в устройстве, которое ведает развлеченьями (runs the entertainment). Несчастные случаи запрограммированы.

— То есть как?

— Они запрограммированы также строго, как выдача пищи. Для того, чтобы точно регулировать количество населения. Учёт ведётся по счётчикам (meters) кормушек, и если появляются лишние рты... Очень возможно, Сергей Сергеевич, что наше появление (appearance) стоило жизни двум идиотам.

Резницкий молчал. Он был подавлен (depressed) тем, что сказал Нёвиков. Ему не хотелось больше питаться жёлтыми дисками из кормушек. Надо было как можно скорее выбираться отсюда.

Нёвиков работал в Центре до позднего вечера и вернулся усталый и мрачный (gloomy).

— Проклятая (damned) машина, — сказал он. — Она выживает (driving) меня из башни. Работаю и всё время чувствую,

как будто кто-то мне внушает (suggests): уйдѣ, уйдѣ. Дáвит на псѣиху (it works on my psyche)...

— И что же? — Резницкий тревожно смотрѣл на него. — Пришлòсь (did you have to) уйтѣ?

— Нет. Выдержал кòе-как (somehow). Но ужасно устал... Сергѣй Сергѣевич, вызовите, пожалуйста, корàбль, и продиктуйте э́ти ряды. Если я не ошибся, зàвтра мòжно бóдет программировать. Я пригото́вил алго́ритмы зада́ч.

— А примет ли ма́шина зада́чу извне́ (from without)?

— Должна́ принять. Ну, а е́сли не примет... Тогда́, к сожалѣнию, придётся Прòшину разру́шить гравитациòнную стѣну...

— Да-á, — протяну́л Резницкий. — Тако́е собы́тие бóдет обсу́ждаться потòм лет трѣста всѣми поколѣниями (generations) космона́втов. Что ж, дерзàйте (dare), Алѣша.

Рàно ўтром Прòшин передал результаты вычислѣний (calculations). Резницкий хотѣл пойтѣ в Цѣнтр вмѣсте с Нòвиковым, но тот решѣтельно отказàлся, заявив, что там тепѣрь и одному́-то почтѣ нѣчего дѣлать.

Резницкий остàлся наблюдать за знако́мым. Последнее время тот постоянно оказывался рядом с людьми́. Одна́жды Резницкий замѣтил, что его́ взгляд, обычно бо́льше секúнды не останàвливавшийся на однòм предметѣ, задержàлся на лицѣ Резницкого бо́льше трѣх секúнд. Резницкий пожалѣл, что у него́ нет энцефало́графа: хорошо́ бы посмотре́ть, ка́кие биотòки (bio-currents) в его́ мозгу́.

Сейча́с он решил продѣлать одѣн эксперимѣнт: вы́тащил из сýмки каранда́ш и сýнул (pushed) в рот. Тот мѣдленно ворòчал головòй, но взгляд его́ всѣ до́льше задерживался на каранда́ше, торча́щем изò рта́ биофѣзика. Потòм он попытàлся поднести́ рýку с зажàтым каранда́шом, котòрый он не выпуска́л с тех пòр, как Резницкий дал ему́ его́, — к своему́ лицу́. Примѣрно́ через ча́с ему́ удалòсь попàсть каранда́шом себе́ в рот. Резницкий подскочил к нему́, схватился за каранда́ш и, дѣйствуя им, как рычагòм (lever), раскрýл рот.

— Агá! — сказа́л он. — Так я и дýмал.

Вмѣсто зубòв у него́ бы́ли две сплошны́е пластѣнки (plates), для перетирàния (grinding) пѣщи.

Вдруг Резницкий ощу́тил беспокòйство: как там Алѣша? Уда́лось ли ему́ сформули́ровать зада́чу для ма́шины? Наступило́ уже́ время́ обе́да, а Нòвикова́ нѣ было. Резницкий подождàл немного́, а затѣм решѣтельно напра́вился в Цѣнтр. Он переплýли ров и пошѣл к бàшне.

Нòвиков лежàл навзничь под решѣткой, огражда́вшей бàшню. Рядом валя́лась сýмка с журна́лом.

Резни́цкий броси́лся к товари́щу.

— Алёша! Алёша!

Нóвиков откры́л глаза́ и посмотре́л на биофизика тусклым (dim) взгля́дом. Резни́цкий помо́г ему́ подня́ться и повёл ко рву́. В воде́ Нóвиков пришёл в себя́ * и сам переплы́л на друго́й бе́рег. Там он сел на траву́, обхвати́в рука́ми го́лые коленки́ (knees), взгля́д его́ стал сосре́доточе́нным (concentrated). Резни́цкий терпе́ливо ждал.

— Ошибки́ не́ было,— на́чал Нóвиков.— Я всё запрограмми́ровал и закоди́ровал пра́вильно, ошибки́ быть не могло́. Я ей дал зада́чу: сня́ть си́ловое́ по́ле. Заложи́л перфока́рту. Чтó-то кря́кнуло (grunted), и она́ вы́бросила перфока́рту, а потóм сказа́ла, чтóбы, я ниче́го не тро́гал рука́ми.

— Она́ сказа́ла?!

— Она́ произнесла́ э́то ва́шим го́лосом. По́мните, вы говори́ли мне, чтóбы я ниче́го не тро́гал рука́ми? Она́ услы́шала э́то и запóмнила. Потóм меня́ охвати́ла сонли́вость (became drowsy). Она́ я́вно выжи́вала́ меня́ из ба́шни. Я дал ей но́вую перфока́рту, но она́ и её выплюнула́ (spat it out). Я почу́вствовал вдруг, что ды́вольски уста́л, о́чень хоте́лось спат́ь... Да́льше я ниче́го не по́мню.

— Алёша, на́до попы́таться сно́ва.

— Нет смы́сла. Она́ не при́мет.

— Спрогра́ммируйте́ прохо́д для заго́на зве́рей. Таку́ю зада́чу она́ должна́ при́нять.

— Хоро́шо, попрóбую.

Они́ переплы́ли ров и проле́зли под решёткой в ба́шню. Зелёный глаз то́час вспыхнул (lit up) и посмотре́л на них. Резни́цкий ощути́л тяжёсть в голо́ве. Со́нно морга́я, он смотре́л, как Нóвиков вкла́дывает в маши́ну перфока́рту. Как то́лько перфокарта́ была́ залóжена, разда́лся треск (crack) и перфокарта́ вы́летела о́братно, она́ была́ смя́та и слегка́ дыми́лась (smoked).

«Э́то хоро́шо защищё́нная маши́на»,— грóмко и отчётливо́ (clearly) прозвуча́л го́лос Нóвикова, а через́ секун́ду го́лос Резни́цкого грóмко проше́птал: «Не тро́гайте ниче́го рука́ми!» И зелёный́ глаз засвети́лся я́рче.

Нóвиков прислони́лся к решётке огражде́ния (bars of the barrier) и безво́льно опу́стил ру́ки. Резни́цкий с трудо́м преодоле́л смерте́льную уста́лость и желе́ние усну́ть, помо́г Нóви́кову вы́йти из ба́шни. Они́ побрели́ к бе́регу.

— Ви́дите э́ти ба́шенки? — ти́хо спроси́л Нóвиков.— Двена́дцать штук. Э́то автома́ты уси́ления гравита́цио́нного по́ля. Не проби́ть нам такую́ защи́ту.

— Чтó же де́лать, Алёша?

— Не зна́ю...

Пообѣдав жёлтыми дисками, Нёвиков и Резницкий долго сидѣли молча. Наконѣц Резницкий заговорил.

— Знаете, Алёша, у меня не выходит из головы загадка наших идиотов. Что произошло на этой планете? Откуда это полное вырождение (degeneration)? Ведь они почти превратились в ящеров, даже яйца откладывают (lay eggs)...

Он заметил удивлённый взгляд Нёвикова и продолжал: — Да-да, представьте себе, я тут без вас обнаружил несколько яиц, но не успел их рассмотреть, их унесли куда-то прилетевшие роботы. Наверное, где-то здесь есть инкубатор... У них пока маленькие хвостики, но со временем они сделаются большими, и обитатели (inhabitants) этой чудесной рощи станут на четвереньки (will walk on all pairs)... Гравитационный колпак надёжно защищает их от...

— Послушайте, Сергей Сергеевич, — возбуждённо перебил его Нёвиков, — я, кажется, кое-что придумал... Извините, я должен рассчитать одну любопытную программу...

Нёвиков разложил на траве таблицы и стал формулировать новую задачу, попутно (at the same time) объясняя Резницкому её смысл.

— Представьте себе, что на зону надвигается (approach) некая Опасность. Центр узнаёт о ней и включает аварийные башни — все двенадцать. Вы понимаете? Центр так запрограммирован, что включает все двенадцать аварийных установок. А если его заставить выбрать из них только одну — любую? Для ребёнка такая задача элементарна, а для мощного электронного мозга это гибель! Без точной команды машина не сможет выбрать из двенадцати совершенно одинаковых установок одну!

Нёвиков торжествующе смотрел на Резницкого, и тот почувствовал надежду.

— Решить задачу Центр не может, — увлечённо (animatedly) продолжал Нёвиков, — отказаться от её решения тоже не может. Значит, он будет наращивать мощность мышления (build up thought power) за счёт резервов. Энергетическая база у него огромная, но не безграничная...

— А вдруг питание защитного поля неприкосновенно (invulnerable)? — спросил Резницкий.

— Нет, это я уже установил. Неприкосновенен только источник мощности для синтезаторов пищи.

— А если машина перестроится на нелогичные решения?

— Тогда... — Нёвиков усмехнулся (smiled). — Тогда, Сергей Сергеевич, нам с вами придётся испытать горечь поражения (drink the bitter brew of defeat), а потом и кое-что похуже. Но

вряд ли машина знает, что на свете существуют нелогичные решения... Та-ак, готово, можно идти.

Когда они пробрались в башню, зелёный глаз устоялся на них свирепо (fiercely), и на разведчиков навалилось ощущение сонливости (were overcome by drowsiness). Новиков, не мешкая, (without hesitation), вложил в приёмное устройство перфокарту.

Прошла минута, другая, а машина не выбрасывала перфокарту.

— Проглотила,— еле слышно прошептал Новиков.

Машина напряжённо работала. Вспыхивали разноцветными огоньками рисованные схемы. Блок за блоком включался в решение задачи. До сих пор машина знала только два случая: включать все башенки или ни одной. Да или нет. Но выбрать одну из двенадцати не могла — для машины это была формула невозможного.

Разведчики переплыли ров и возвратились в рощу.

Надвигался вечер, темно-зелёное небо, как гигантскую перфокарту, прокололи первые звёзды. Разведчики съели по жёлтому диску, но спать не ложились, ждали, что будет. Светился ночной вóздух, пролетали по своим делам работы. Обитатели рощи укладывались спать на мягкую траву, не знакомую с ночной росой (dew). А машина, оберегающая их бессмысленное существование, работала на полную мощность, решая формулу невозможного, работала, чтобы уберечь эти существа от выдуманной опасности, и тем самым приближая опасность настоящую.

Новиков то и дело поглядывал на часы.

— Сергей Сергеевич,— позвал он вдруг.— Вы не замечаете? Как будто стало прохладней.

— Да, нет, не замечаю.

— Значит, показалось...

Резницкий углубился в свой записи. «Какой у них цикл дыхания во время сна? — подумал он.— Надо, пожалуй, уточнить». Он встал и направился к ближайшему обитателю рощи. Но что это? Серые существа, оказывается, не спали. Они жалобно (plaintfully) повизгивали, собираясь в кучки, жались друг к другу. Кажется, действительно похолодало...

— Алёша! — крикнул Резницкий.— Вставайте! Климатическая установка не работает!

Взволнованные, разведчики побежали к защитной зоне. Стена была на месте. Они пошли вдоль стены и наткнулись на странное зрелище (spectacle). Вóзле ремонтной мастерской лежало несколько роботов. Значит, и мастерская отключена!

Они вернулись в рощу.

— Теперь у них жизнь пойдёт хуже,— сказал Новиков.—

Без няней (nurse-maids) придётся пожить. Ну что же, надо когда-нибудь перестать быть идиотами.

— Посмотрите-ка, Алёша.

Один из идиотов (да это же их знакомый!) стоял у дерева с крупными широкими листьями и пытался спрятаться от холода под лист. Но лист рос слишком высок. Тогда он потянул лист к себе.

Резницкий огляделся и поднял с земли острый камень. Подошёл к знакомому и стал рубить камнем толстый стебель (stem) листа. Оторвал лист, протянул ему камень...

Утро застало разведчиков у невидимой стены. Новиков уже тысячу раз, протягивая руки вперёд, пытался войти в стену, но каждый раз она отбрасывала (repulsed) его. И вдруг руки его свободно вошли в стену, не встретив никакого сопротивления (resistance). Шагнул вперёд, ещё шаг, ещё...

— Ура-а! — закричал Новиков и побежал сквозь защитную зону, которой больше не существовало.

Прошин сказал, что вышлет за ними вертолёт немедленно.

Они сидели на вершине фиолетового холма (hill) в ожидании вертолёта и рассуждали о том, что ждёт обитателей (inhabitants) рощи в недалёком будущем.

— Нет, они не вымрут (die out), — убеждённо говорил Резницкий. — Конечно, те, кто послабее, погибнут, но многие сумеют приспособиться (adapt). Плана в общем тёплая, они привыкнут. По крайней мере, за нашего знакомого я спокоен...

— Да, — сказал Новиков, — придётся им пройти путь эволюции во второй раз. Надеюсь, что их потомки (descendants) будут поосторожнее обращаться (handle) с кибернетикой.

— До кибернетики им — ох, как далеко, — улыбнулся Резницкий.

— Мы ещё вернёмся сюда, Сергей Сергеевич. А если не мы, то другие прилетят.

Вдруг с неба донёсся ровный гул (rumble). Разведчики вскочили, запрыгали и замахали руками.

Вертолёт сбёгал над ними круг и пошёл на снижение.

Гагарин Юрий Алексеевич, Yuri Alekseevich Gagarin (1934—1968). Soviet cosmonaut, made the first manned space flight on April 12, 1961, in the Soviet spaceship *Vostok*.

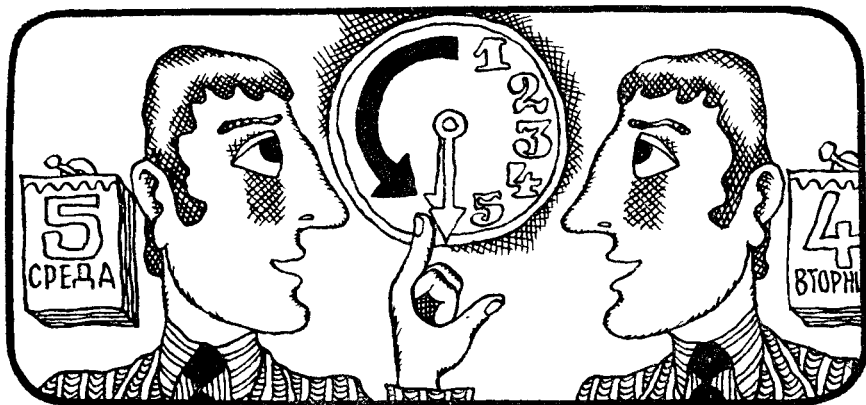
вездеход, crosscountry vehicle

откуда ни возьмись (colloq.), suddenly

им стало... не по себе, they were alarmed

сбить с толку (colloq.), to confuse

прийти в себя, to regain consciousness

М. Емцев, Е. Парнов

Снежок

Теоретическая часть моей диссертации ни у кого не вызвала возражений (was met with no objection). Шеф, естественно, дал блестящий отзыв (review), официальные оппоненты отметили какие-то несущественные погрешности (faults). Всем было ясно, что автор диссертации заслуживает присвоения ему учёной степени (award of the degree) кандидата физико-математических наук *.

И вдруг вопрос. Какая-то молоденькая аспирантка* спросила:

— Существует ли возможность экспериментальной проверки идеи автора, которую он так замечательно обосновал теоретически? Или перемещение (travel) материальных тел против вектора времени — дело далёкого будущего?

Мы с шефом ещё месяц назад закончили установку (installation), но шеф строго-настрого приказал молчать о ней, пока не пройдёт защита диссертации. Я всё-таки уговорил шефа перенести установку в зал заседаний учёного совета, закрыл её чёрным покрывалом (cover). Мало ли что может случиться. Может быть, придётся демонстрировать...

Не знаю, как это произошло, но после заданного вопроса я тотчас же направился к установке и сдернул покрывало. На шефа я боялся смотреть.

— Вот! — глухо произнёс я.

В зале стояла мёртвая тишина. Все догадывались, что именно я показal, но никто, видимо, не верил своим глазам.

— Мощность этой экспериментальной установки ещё очень

малá, — продолжал я. — Поэтому я смогу перенестись в прошлое не далее чем на несколько месяцев. — В глубинé душй я надеялся, что кто-нибудь скажет: «Не надо! Мы вам и так верим!» Но все молчали. — Я сделаю это сейчас.

У всех присутствующих загорелись глаза (eyes flashed). Я понял, что отступать (retreat) нéкуда.

— Я прошу всех оставаться на местах, когда я исчезну. И ни в каком случае не становиться на то место, где сейчас находится установка.

Я сам не знал, что говорю.

— Я скоро вернусь.

В зале никто не двíгался. Я включил установку и приложил к рукам медные контакты (copper contacts). Потом нажал кнопку. Последнее, что я увидел, — была записная книжка (notebook) председателя учёного совета профессора Валентинова. Он держал её в поднятой руке. Переплёт (binding) книжки был из крокодиловой кожи (alligator skin).

* * *

В зале было холодно и сýмрачно (dim). Я снял обруч, контакты и выключил установку. На окнах были морозные узоры. Сýмрачный свет застыл (had frozen) на пустых скамьях. Я подошёл к двери и потянул её на себя. Дверь была заперта. Вот невезение (bad luck). Это могло испортить всё дело. Поднимать шум бесполезно, даже рискованно. Ждать до утра? Но будут ли ждать меня те, кого я оставил в ... будущем?

Интересно, сколько сейчас времени? Где-то вверху над доской должны быть часы. Мне казалось, что я различаю слабый блеск их круглого стекла. Я старался вспомнить, где находится выключатель (light switch), но не мог. Странное дело! Сколько раз бывал я в этом зале и ни разу не обратил внимания, где находится выключатель. Я подошёл к стене и стал обходить её по периметру. Когда я нашёл выключатель, оказалось, что он возле самой двери!

Вспыхнул свет. Часы показывали двадцать семь минут пятого. До начала рабочего дня оставалось четыре часа. Если только я случайно не попал в воскресенье. Я решил подождать. Выключил свет, прошёл в глубину зала и лёг на одну из скамей последнего ряда. Но уснуть не мог. Было холодно. И зачем я снял пиджак? На мне была нейлоновая рубашка с галстуком; теплá эта одежда не могла дать.

Как только отопрут зал, мне надо будет незаметно пробраться в лабораторию. До прихода товарищей, и, главное, ЕГО. Я постараюсь переодеться в старый лыжный костюм, в котором обычно провожу эксперименты. Он висит в моём шкафчике, рядом с белым

халатом (white overall). Хорошо ещё, что бумажник (wallet) с деньгами был не в пиджаке, а в брюках! Мне уже сейчас хочется есть, а что будет утром... Действительно, что будет утром?

* * *

Когда в зал пришла уборщица (charwoman), я выбрал момент и незаметно выскочил в коридор. За установку я не волновался. Студенты приучены ничего руками не трогать, а научные сотрудники не станут изучать незнакомый прибор, на котором сделана предупредительная надпись (warning).

Переодевшись, я решил перебежать на химфак *. Там у меня почти нет знакомых, и мне легче будет обдумать своё положение. Пробегая по коридору второго этажа, я заглянул в приоткрытую дверь читальни (reading hall). Никого. Я вошёл и тихо прошёл по ковру к подоконнику (window-sill), заставленному горшками с кактусами и агавами. За окном шумел утренний город. Спешили на работу люди, выдыхая пар в морозный воздух. И это была реальность, такая же объективная реальность, как я сам.

Все столы в читальне были заняты. Преподаватели и аспиранты оставили на столах и стульях портфели, папки, тетради, исписанные листы бумаги, авторучки. Через несколько минут они придут сюда и вернутся к прерванной работе. За одним из профессорских столов я заметил предмет, который заставил меня насторожиться (become cautious). Это была записная книжка профессора Валентинова. Кожу её переплёт (binding) украшали цветные иероглифы древних ацтеков (ancient aztec hieroglyphs). В эту книжку профессор записывает всё, что ему предстоит сделать на следующий день. Я быстро пролистал исписанные страницы и увидел, что последняя запись относится к одиннадцатому январю. «Если запись сделана вчера, то одиннадцатое января — сегодня», — подумал я. Значит, восемь месяцев отделяют (separate) меня от дня защиты диссертации. Мне в голову пришла великолепная мысль. Я оглянулся, не стоит ли кто в дверях, и, быстро положив записную книжку в карман брюк, выбежал из читалки *.

* * *

На химфаке царила экзаменационная суета (fever). Все были озабочены, торопливы, нервны. Ещё не было ни счастливых, сдавших экзамен, ни провалившихся неудачников (unlucky failures), и никто не сообщал родственникам или знакомым о результатах экзамена по телефону-автомату. Поэтому все телефоны в вестибюле (entrance-hall) были свободны. И я решил позвонить ЕМУ. Я знал, что он ещё дома.

Рокетливый женский голос пропел:

— Аллоу?

Я еле удержался, чтобы не сказать: «Привет, Рачка, это я, Виктор».

— Аллоу? — повторила Рачка.

— Виктора Аркадьевича, пожалуйста, — попросил я, облизывая (licking) пересохшие губы.

Трубку положили на стекло письменного стола. Я слышал характерный звук. И вообще, я знаю, куда они кладут трубку. Стало тихо. Время от времени доносились приглушённые (muffled) расстоянием звуки разговора. Но вот слышались шаги. Мне было приятно узнать, что у НЕГО такой широкий и уверенный шаг. Потом загудели каблучки-гвоздики (spike heels) неравнодушной к чужим делам соседки по коммунальной квартире Рачки. И раздался её голос:

— Если бы я не знала, что вы здесь, Виктор Аркадьевич, я бы решила, что меня разыгрывают. Ну, в точности ваш голос!

— Я слушаю, — сказал незнакомый мужской голос. Здорово! И не только знакомый, но и довольно неприятный. Но я вспомнил, как звучит мой голос в магнитофонной записи, и успокоился. Свой голос трудно узнать. К нему нужно долго привыкать.

— Виктор Аркадьевич, — сказал я в трубку, стараясь дышать глубоко и спокойно, — не перебивайте (interrupt) меня и, главное, не удивляйтесь. У меня очень важное дело, и никто, кроме нас с вами, не должен об этом знать...

— Кто это говорит? — Голос решительный и строгий.

— Виктор Аркадьевич, вы планируете эксперимент по движению макросистемы против вектора времени?

— Кто это говорит?! — в голосе слышно недоумение (wonder).

— Нам нужно встретиться. Я вам всё объясню. Вы поймёте...

Наверное, ОН принимает меня за шантажиста (blackmailer) или шпиона.

— Почему вы не хотите назвать себя? — в голосе появилось раздражение (irritation).

— Вы меня не знаете. Совсем не знаете! Я случайно узнал о ваших планах... совершенно случайно. Я работаю над той же проблемой, что и вы. Но... я попал в беду. У меня неудача. Мне нужна ваша помощь.

Я знал, что действую наверняка. Ведь его характер был знаком мне — он как хорошо!

— Вы не находите, что всё это несколько странно? — после некоторого молчания спросил ОН.

— Нет. Всё абсолютно нормально. Я прошу вас только о встрече. Больше ни о чём. И вы не можете мне отказать. Просто не имеете права!

— Почему вы так думаете? — в ЕГО голосе слышалось недоверие (mistrust).

Такого дурацкого вопроса, однако, я от него не ожидал.

— Почему я так думаю? — переспросил я. — Да хотя бы потому, что, «я знал её, как можно знать себя, я ждал её, как можно ждать любви».

Несколько секунд в трубке было слышно только ЕГО частое дыхание. ОН, конечно, вспомнил стихов, которые сочинял в юности. И теперь ОН недоумевал (was bewildered) — откуда мне известны ЕГО стихи.

— Хорошо! Давайте встретимся, где вам удобно, — наконец решил ОН. — Как мы узнаём друг друга?

— О, не беспокойтесь! Мы узнаём друг друга в любой толпе в первую же секунду.

Я тут же выругал (cursed) себя. Незачем переигрывать (overdo). ОН этого не любит. Но было уже поздно.

— Что вы хотите этим сказать? — опять в его голосе появилось недоверие.

Тогда я пошёл ва-банк *. Я процитировал строфу стихотворения, которое он написал ещё в школе, в десятом классе.

Есть синий вечер, он напомянит,
Не даст забыть, не даст уйти.

Трубка молчала.

— Итак, где и во сколько? — спросил я.

Нет, ОН всё-таки молодчина (fine fellow). Ведь он сейчас волнуется, возбуждён (excited), а какой спокойный и бесстрастный (indifferent) голос!

— Вечер у вас свободен? — спрашиваю я.

— Только до семи часов. — Спокойно и решительно. Молодец!

Интересно, куда он собрался идти вечером? Видимо, что-то очень важное. Иначе он отложил бы все дела ради встречи со мной. Я-то знаю, как он любопытен (curious).

— А если сразу же после работы? У вас дома, например. Мама куда-нибудь уходит?

Я хотел сказать «ваша мама», но не смог. Язык не повернулся сказать так.

— Приходите в пять часов. Вы знаете, где я живу?

— Знаю.

— Я почему-то так и подумал. Итак, в пять?

— Да, в пять. Спасибо. До свидания! Вы молодчина!

Мы оба, он и я, всё ещё не можем прийти в себя (come to our senses). Я смотрю на свою квартиру, оглядываю каждую вещь.

Всё здесь интересует меня. Мебель и обои, картины, книги, машина швейная (sewing machine), телевизор, на котором лежит, закрыв экран пушистым хвостом (fluffy tail), мой старый рыжий кот, — на всё смотрю я как на величайшее чудо. Я почти не нахожу здесь перемен. Как будто я не был в ней со вчерашнего дня. Но самое поразительное (striking) было то, что в моей квартире был ОН, как будто другой и отдельный от меня человек. Впрочем, действительно другой и отдельный. Кто же из нас более реален, более на своём месте: ОН или Я?

— Боюсь, что мы сейчас оба думаем об одном и том же, — говорит ОН, как-то неестественно улыбаясь.

— Да, вероятно. Мы должны думать одинаково, ведь мы ближе, чем самые кровные близнецы (twins).

— Верно. Мы одно и то же лицо при условии движения во времени. Но одновременно мы можем существовать лишь раздельно! Улавливаешь суть (Do you get the idea)?

— И это меня ты спрашиваешь! Яйца собираются учить курицу * ...

— Ну-ну, не воображай о себе слишком много (think too much of yourself). Ведь идею о переносе в прошлое (going back into the past) разработал я, а ты только реализовал её.

Ну и наглец (what nerve)! Но я тут же нашёл возражение.

— Нет, милый мой, — сказал я ЕМУ отеческим тоном (in fatherly tones), — это не твоё идею. Она пришла в голову тому, кто младше тебя на год и младше меня на двадцать месяцев!

Он рассмеялся. Нет, он всё-таки молодёц. Ах, если бы можно было навсегда остаться вот так, вдвоём. У меня никогда не было брата... Но ОН мне не брат.

— Великолепная мысль! — сказал он и похлопал меня по плечу. — Надо её развить... Где осталась установка?

— В зале, на факультете, а что?

— Я проектировал её с углом инверсии в четыре сотых секунды. Ты как её сделал?

— У меня... у тебя то есть, в расчёты вкралась ошибка (there is an error). Не совсем точно раскрыта неопределённость (uncertainty) — бесконечность (infinity) на бесконечность. Получился угол в пятьдесят две тысячных — это после того, как я использовал метод Ферштмана.

— И-да. Впрочем, это не имеет значения. Установка на одного человека рассчитана — а жаль.

— Почему?

— Мы бы могли отправиться на год назад вдвоём...

— К третьему! К тому, кто придумал то, что ты потом рассчитал, а я осуществил!

— Именно! И нас бы стало трое — трое в одном лице!

— Три мушкетёра!

— Святая троица (holy trinity)!

Я с любовью всматривался в ЕГО лицо, пытался понять, какие изменения внесло в меня время. ОН тоже пристально (intently) рассматривал меня. Ещё бы! Ему предстояло стать таким через восемь месяцев...

Не думал я, что эта встреча так потрясёт (would shake) меня и вместе с тем окажется такой будничной (prosaic). Мне казалось, что я буду таким мудрым посланцем (envoy) из будущего, перед которым ОН будет трепетать (tremble). А он ведёт себя со мной за просто (was as simple with me), как будто я один из его друзей.

— Послушай, старина (old man), — сказал он наконец, — а не поесть ли нам?

— Предложение разумное. Что у тебя сегодня на обед?

— Суп с фасолью (pea soup). Отбивная с кровью (chop) — я жарю её в кипящем масле, три минуты с одной стороны и три минуты с другой. Твои вкусы, я надеюсь, не изменились?

Я улыбнулся в ответ, но промолчал.

— Да! — продолжал он. — Ещё компот из сухофруктов, морской гребешок (pecten)...

— Мускул морского гребешка?! — воскликнул я. — В каком соусе?

— В укропном (dill), — удивлённо ответил он. — Я взял одну банку.

— А ты раньше покупал эти консервы?

— Нет. Сегодня первый раз купил в университете, хочу попробовать. А что?

Так... Ничего.

Я вспомнил тот день, когда впервые купил баночку морского гребешка. Мамы дома, как и сейчас, не было. Я торопился на свидание (appointment) и открывал банку на весу (in the air), держа её в левой руке. Нож соскользнул, банка выпала из рук, и белый укропный соус оказался на моих брюках.

Я испуганно взглянул на его брюки — новенькие, выглаженные (ironed)! Мои за эти семь месяцев уже немножко износились (worn), а над левым коленом можно было разглядеть слабое пятно от укропного соуса.

Он, кажется, собирался тоже вскрыть банку на весу. Значит, и у него сейчас будет на брюках пятно (spot)...

И тут я подумал: может быть, имеет смысл вмешаться (interfere) в человеческую историю и хоть в чём-то улучшить её? Но, с другой стороны, можно ли вмешиваться в процесс, если последствия такого вмешательства тебе неизвестны?

Ладно, пусть будет пятно! Пятно, в конце концов, мелочь (a trifle)...

— Ах, собака! — воскликнул ОН, пытаясь поймать выскочившую из его рук банку. Он поймал её — у левого колена.

Кот раскрыл один глаз, но не увидел нигде собаки и опять закрыл его.

Мы всё-таки попробовали гребешок. После вкусного супа с фасолью и кровавых отбивных. Потом мы уселись на диване. Помолчали. Я заметил, что он украдкой (furtively) поглядывает на часы.

— Ты сказал, что свободен только до семи, — куда ты идёшь? Если это не секрет, конечно.

— Секрет? От тебя?

— Ты не учи́тываешь (allow for), что человеку свойственно (liable) забывать. Забыть же — всё равно что не знать. Поэтому, если не секрет...

— Ерунда! У меня свидание с Ирой.

— С Ирой?!

— Чему ты удивляешься? Ты что, не знаком с ней? Это было бы оригинально... Как она там, в будущем, — не подурнела (grown ugly)? Или вы с ней...

За его шутливым тоном чувствовалось беспокойство. А для меня числовая абстракция — одиннадцатое января — наполнилась грустным смыслом памяти сердца.

* * *

Я ждал её тогда на Пушкинской площади, у выхода из метро. Она опаздывала на три минуты.

Я увидел её издали, когда она переходила улицу. Она спешила. Вокруг её меховых ботинок кружились маленькие метели (swirls of snow). Но я не верил её торопливости (haste). Она была холодная, как морозная пыль на пушистом воротнике её дублёнки (sheepskin). Высокая, красивая — и очень далёкая. Я чувствовал, что она не любит меня, но не мог этому верить. Она привыкла ко всеобщему поклонению (admiration) и шла от одной победы к другой, любопытная и неразбуженная.

Всё это я очень хорошо понимал, но что я мог поделать? Я был влюблён в неё, как мальчишка, и был поэтому бессильен.

Пока мы шли по Тверскому бульвару, я сказал ей всё, что думал о наших отношениях... Она не предложила мне дружбу, не сказала, что не понимает своих чувств ко мне, что ей нужно разобраться (understand) в своих чувствах... Она сказала только:

— Я всегда буду рада тебя видеть, всегда...

Расстались мы с ней в конце бульвара. Больше мы с ней не встречались.

* * *

И теперь, через какой-нибудь час, всё это предстояло (would have to) пережить ему. Всё! И мне стало жаль его, я только сейчас ощутил (felt), что он — это я, но он ещё не знает и не понимает того, что знаю и понимаю я. Мне хотелось и предостеречь (warn) его, и дать ему мой опыт, и помочь ему предотвратить (prevent) ошибку. Мне страшно хотелось встретиться с ней, с прежней, ещё не осознавшей (realised) нашего разрыва (break). Сейчас всё могло быть совершенно иначе. Я бы сыграл такую роль, что ей пришлось бы обвинять меня в холодности и бесчувствии, и — кто знает? — может быть, я заставил бы её полюбить меня.

А может быть, не в моей власти было изменить что-нибудь?

— Я пойду на свидание вместо тебя, — сказал я ЕМУ.

— Зачем? Лицо его сразу сделалось мрачным (sullen) и холодным.

— Ты же не знаешь, что тебя ожидает сегодня! Ты не знаешь ни её, ни себя! Ты будешь мне благодарен. Пусть у тебя всё будет иначе! И я исчезну...

— Нет. Я не хочу знать, как было у тебя.

— Ты же ничего не знаешь! Сегодняшняя встреча непоправима (irreparable)... Хочешь, я расскажу тебе...

— Нет, не нужно!

— Ну, хорошо, иди. Но ты должен вести себя... Нет, лучше не ходи совсем. Подожди, пока она сама тебе позвонит. Она позвонит.

— Я не хочу тебя слушать! Не хочу!

— Но почему? Я же хочу открыть тебе глаза. Не ради себя, ради тебя.

— Не нужно, — глухо сказал ОН.

Я заглянул в его глаза и понял: он всё понимал сердцем любящего человека, всё; но верить, как и я когда-то, не хотел. Он пойдёт на свидание и скажет ей всё. Я понял это. Когда-то такой же, только мысленный, диалог был у меня с самим собой. Теперь ОН говорит об этом со мной — какая разница?

— Мне, наверное, лучше будет вернуться? — спросил я.

— Да, пожалуй (I suppose so)... Но мы встретимся ещё?

— Ты всегда будешь во мне, а я... я всегда буду ускользать (slip away) от тебя. Твоя жизнь — это погоня (chase) за мной. Мы сдвинуты по фазе (we are in different time phases).

— Я исчезну, когда ты вернешься в своё время?

— Нет, мы просто сольёмся в неуловимом миге (merge in an elusive moment), имея которому — настоящее. Оно — скользящая точка (moving point) на прямой из прошлого в будущее. Ну, будем прощаться?

— Я провожу тебя до метро.

— Хорошо.

* * *

Я не отпускаю его руки и долго смотрю ему в глаза. Наше прошлое помогает нам узнать себя...

— Ну, прощай,— говорю я.

— До свидания,— улыбается он,— ты всегда будешь возвращаться ко мне...

— До свидания,— соглашаюсь я.

Мне грустно. Я нагибаюсь, собираю руками снег, крепко сжимаю его пальцами в плотный комок (solid ball). Я собираюсь запустить снежок (snowball) в него, но глаза мои почему-то туманятся (mist over), и я только машу рукой. Потом я возвращаюсь в университет.

* * *

...Я открываю глаза и трюгаю хрустальный обруч. Оглядываю зал. Здесь ничего не изменилось! Профессор Валентинов даже не успел закрыть рта. В глазах задавшей мне вопрос аспирантки испуг и восхищение (admiration). Шеф бледен и страшен.

— Ну? — наконец выдавливают (squeezed out) Валентинов. Я, не понимая, смотрю на него.

— Мы ждём... Пожалуйста,— говорит он.

— Простите, я не совсем понимаю вас,— я ещё не пришёл в себя и действительно не понимаю, чего он от меня хочет. Я только с удовольствием ощущаю тепло сентябрьского вечера — справа от меня распахнуто огромное окно, да и в зале очень тепло...

— Вы обещали нам исчезнуть,— говорит Валентинов.

Он улыбается.

— А разве я не... Разве я не отсутствовал несколько часов? Зал оживает. Кто-то что-то выкрикивает, кто-то смеётся.

— Так я не исчезал?

— Нет,— улыбается Валентинов.

— Не исчезал?!

Я снял обруч и выключил установку.

Потом я подошёл к Валентинову. Протянул ему записную книжку из крокодиловой кожи. Валентинов держал в руке точно такую же.

— Сравните эти две книжки, профессор. Они совершенно одинаковы. Но... Последняя запись в книжке, которую я держу, сделана одиннадцатого января, а сейчас сентябрь. — И я показal на окно, откуда смотрела на нас синевa вечернего неба.

Все почему-то тоже посмотрели на окна.

— Кроме того, вот! — Я достal из кармана крепкий, смёрзшийся (*frozen into ice*) снежок и лихо запустил им (*threw it cockily*) в линблеумную доску, свёрху донизу исписанную фбрмулами.

учёная стéпень кандидáта нау́к, scientific degree of candidate of science awarded after defense of a thesis at a scientific council

аспира́нт(ка), a graduate student, preparing for scientific work in a higher school or research laboratory. The graduate is required to write an independent research called a candidate's thesis for the degree of candidate of science.

химфа́к (*abbr. of* химический факультет), chemical department

чита́лка (*colloq.*), reading hall in a library

пошёл ва-ба́нк, *here*: began to act openly

ййца ку́рицу учат, the younger teaches the elder

А. Мирер

Обсидиановый нож

— Завидую вашему здоровью, — произнёс сидевший рядом со мной на скамейке мужчина. — Здоровье — это прекрасно.

Я перестал читать газету и посмотрел на него. У моего соседа было лицо профессионального боксёра. Он сидел, упираясь (leaping) огромными руками в скамью, бицепс левой руки растягивал рукав пальто.

— Вы нездоровы? — спросил я.

— Я недостаточно здоров, — ответил он и тут же спросил: — Болели чём-нибудь в детстве?

Я машинально ответил: «корь (measles), свинка (mumps)», думая о том, что у этого тяжеловеса вряд ли может быть плохое здоровье.

— Сердце здоровое? — продолжал он почти безразличным тоном, но так, что я не мог отшутиться или сказать: «А вам какое дело?»

— Здоровое, — ответил я.

— Күрите?

Я вдруг рассердился. Күрите, не күрите...

— Иногда, — ответил я подчеркнуто сухо. — А что?

— Хочу предложить вам кое-что интересное.

Всё ясно. Я так и думал: тренер. Все они начинают с разговоров о здоровье, курении...

— Спасибо, — сказал я. — Мне сейчас не до спорта. Пишу дипломную работу *

— Я хочу предложить вам путешествие во времени, — сказал он.

Понятно. Он к тому же ещё и псих (mad).

— Нет,— сказал он.— Я не сумасшедший. Я предлагаю вам путешествие в прошлое. Сумасшедший предложил бы путешествие в будущее.

— Почему?

— Потому что совершить путешествие в будущее можно лишь на скоростях (speeds), близкой к скорости света. Боюсь, что человечество никогда не достигнет субсветовых скоростей.

Он уставился на меня своим необыкновенным взглядом, как будто хотел меня загипнотизировать. Но я уже решил — соглашайся.

— Вы что же, машину времени придумали? — спросил я, чтобы избавиться от его пронзительного взгляда (piercing glance).

— Что-то в этом роде,— ответил он.— Не беспокойтесь. Первый опыт продлится не больше часа.

И я пошёл с ним.

У него дома, в передней (entrance hall), нас встретил чёрный кот. Мы разделись, и хозяин взял котá на руки, приговаривая:

— Ах, Васька, ах ты, кот мой.

Мы сели в кресла. Кот устроился на коленях у хозяина, тихо замурлыкал. И вдруг взревел хриплым басом (howled in hoarse bass): «Ми-а-а-у-у-у...» — рванулся с колен и умчался за дверь.

Заметив моё недоумение, хозяин объяснил:

— Это не Васька, это Егор орёт, Ваську пугает. Вот полюбуйтесь.

Между тумбами письменного стола была натянута проволочная сетка, и за ней, как в клетке, стоял огромный кот, выгнув (arched) чёрную спину, и светил жёлтыми глазами.

— Егор,— сказал хозяин,— бедный ты мой...

— Уа-а-у-у,— ответил кот и зашипел (hissed).

— Это Васькин близнец (twin),— объяснил хозяин, но я всё равно ничего не понимал.— Впрочем, давайте познакомимся. Меня зовут Ромуальд Петрович Гришин.

— Очень приятно,— пробормотал (murmured) я.— Бербенёв, Дима.

— Дима,— повторил он.— Хотите кофе, Дима?

— Нет, спасибо. Не хочется.

— Тем лучше. Вы, Дима, как я понял, студент-дипломник. А в каком институте вы учитесь?

— В МИФИ.

— Это Московский инженерно-физический институт? Прекрасно. Можете задавать вопросы.

— Да я не знаю, о чём и спросить...

— Понимаю. Вы ждёте объяснений. Что ж, слушайте. Класси-

ческая физика утверждает, что информация может перемещаться только по вектору времени, но не против вектора. В обычном смысле это значит, что будущее не может влиять на прошлое. Но это также значит, что если вместо объекта, существующего в прошлом, мы подставим некий объект из настоящего — в точности такой же, то никакой передачи информации не будет. Такая подмена соответствует (substitution) нулевой информации: материальные предметы в точности соответствуют (correspond) друг другу. Иначе... Иначе получается вот что... Наш материальный предмет — чёрный кот Егор. Двадцать тысяч лет назад не было котов чёрной масти. Были полосатые (striped) коты, длинные короткохвостые (short-tailed) охотники. Поэтому появление в прошлом Егора... или Васьки — невозможно, это была бы информация из будущего. Если бы у нас был дикий кот — тогда другое дело. Вы поняли?

Я ответил:

— Не понял.

Разумеется, я понимал, что он имеет в виду. По его мнению, проникнуть (penetrate) в прошлое можно было так же просто, как спуститься с пятого этажа на первый. Проникнуть в прошлое... Ведь прошлое п р о ш л о, деревья выросли и упали, люди и травы умерли и сгнили (rotted). Пршлое!

— Гранит, — сказал Ромуальд Петрович. — Кусок гранита лежит перед вами на столе. Этот кусок — неизменившееся прошлое. Он целиком из прошлого. Деревья умирают, но гранит остаётся...

Не первый раз уже он предупреждал мои возражения. Мне оставалось только пожать плечами (shrug my shoulders).

— ...Но мы отвлеклись. Итак, Егор не может п о я в и т ь с я в прошлом. Однако это вовсе не значит, что его нельзя о т п р а в и т ь в прошлое. Неясно? Гм... Посмотрите на Егора лучше. Вот лампа.

Я взял настольную лампу и нагнулся. Я готов был к тому, чтобы увидеть кого и что угодно — только не то, что увидел. Егор оказался полосатым и короткохвостым.

— Вот это да! — прошептал я. Егор зашипел (hissed) и вцепился когтями (dug his claws) в сетку. Я чуть не уронил лампу.

— Что это за зверь?!

— Чёрный кот Егор. Пятнадцатого февраля сего года он был перемещён (shifted) в сто девятый век до нашей эры. Через час он был возвращён вот в этом виде. Бедный кот! В его системе отсчёта (count) прошло всего лишь двенадцать-семнадцать минут...

Гришин помолчал и продолжал:

— Да... Оттуда информация проходит беспрепятственно (un-

hindered). Я не подумал о том, что генотип кошки изменился. Отличный не очень много — доли процента, в рамках мутаций.

Слушая его, я обратил внимание на большой обсидиановый нож, лежащий на столе рядом с гранитом. Нож выглядел совершенно новым. Блестящий, со свежими мелкими зазубринами (notches) по краю острого лезвия (blade). К рукоятке прилип кусочек глины (clay) ... Я взял нож. Первая мысль у меня была — подделка (imitation). Искусная подделка. И как бы уловив и эту мою мысль, Гришин застонал (groaned). Я взглянул на него и увидел, что он сидит с закрытыми глазами, держится правой рукой за сердце и тяжело дышит. Потом он открыл маленькую бутылочку, которая неизвестно откуда появилась в его руках, выкатил из неё на ладонь какую-то пилёлю. Проглотил пилёлю — и снова стал дышать тяжело, с хрипами.

Наконец он открыл глаза и проговорил с трудом:

— Сердце служить отказывается, Дима. Простите. Вы интересовались ножом? Это мой трофей (trophy). Оттуда. Три дня назад я пять минут был в прошлом.

Он сидел, опустив свои боксёрские руки на стол рядом с ножом, и смотрел, не мигая, мне в глаза, как бы стараясь узнать, верю я ему или нет. А я сам не знал, верю я ему или нет.

— Сомневаетесь, — сказал он. — Ну что ж, попытаюсь ещё раз... Часто говорят: «Дети — наше будущее». Вы ещё молоды, а для человека моих лет дети — надежда на бессмертие. Потомки (descendants)... Дети и дети наших детей. По сути, это одно и то же. Превращение в потомков — естественный процесс. Воспроизводство (reproduction) и смерть. Необратимо (irreversible). А для обратного перехода нужны специальные приспособления (devices), и я изобрёл их. Главное — обратный переход: жизнь — смерть — жизнь. Понимаете?

Я промычал что-то неопределённое.

— Ну, скажем, так. Каменный нож перемещается по времени без переходов жизнь — смерть — жизнь. Он сам — и предок, и потомок. С живыми всё гораздо сложнее, но мне удалось... Правда, ценой некоторых потерь (losses), но всё же...

Он наклонил голову, и я видел его могучий стриженный затылок (short-haired pate), я смотрел на его огромные руки и грудь гориллы и...

— Ромуальд Петрович, двадцать тысяч лет человек был другой, правда? И если вы там были...

— Почему я не синантроп? Отвечу. Дело в том, что вид homo sapiens существует семьдесят тысяч лет. За это время мозг человека не изменился, практически и сам человек не изменился — в анатомическом смысле.

— Извините, — сказа́л я, — а ка́к же индивидуа́льные ка́чества? Внѣшность (appearance), привы́чки, образова́ние? По э́тому зако́ну — влия́ния (influence) про́шлого на бу́дущее?

— Ага́? — восклицнул он. — По́няли наконѣ́ц. Молоде́ц, Дима!

Он вы́двинул я́щик стола́ и доста́л фотогра́фию. Протяну́л её мне. На фотогра́фии был снят во ве́сь рост бра́вый сержа́нт (gallant sergeant). На нём была́ фура́жка с кока́рдой (service cap with cockade); сто́ял он, вы́ставив могу́чую грудь, укра́шенную орде́нами.

— Очень интере́сно, — сказа́л я, ниче́го не понима́я. — Вы уча́стник Оте́чественной война́? *

Он уди́вленно по́днял бро́ви (raised his brows).

— О го́споди! Как вы смо́трите? Это что тако́е? Вот, вот э́то? — он ткнул (pointed) па́льцем. — Это же «гео́ргиевские кресты́». Мой дед был гео́ргиевским кавале́ром *...

— Ваш дед? Да э́то же вы!

— Конечно́, я. — Он усме́хну́лся. — Посмотри́те на оборо́те. Я проче́л: «Уря́дник * Ники́фор Гри́шин. 22/III 1906». 1906 год!

Ромуа́льд Петро́вич вы́нул из карма́на пиджака́ бордо́вую (purple) кнѣ́жечку. Протяну́л мне. Пропуск (pass).

«Гри́шин Ромуа́льд Петро́вич». Печа́ть. Все́ правильно.

Но на фотокарточке́ бы́ло ли́цо совсе́м друго́го челове́ка. Ли́цо шу́плого (puny) интеллиге́нта о очка́х. Друго́й подбородо́к (chin). Друго́й нос. Глаза́ то́лько чем-то похо́жи на гри́шинские. А мо́жет быть, э́тот челове́к, сидѣ́щий передо мно́й, во́все и не Гри́шин?

— Таки́м я был до о́пыта, — объясни́л Ромуа́льд Петро́вич. Он о́пять про́ник (fathomed) в мои́ мы́сли!

— Знача́ит, я то́же могу́ измени́ться? — спроси́л я, ду́мая при э́том, что на́до отка́заться от риско́ванного экспе́римента́ пока́ не по́здно.

— Нет, — твёрдо сказа́л он. — Вы верне́тесь таки́м же. После́ случа́я с Егору́м я нашѣ́л ме́тод посте́пного́ возвра́та (gradual return). Ва́ська возвра́щался уже́ дискре́тными передви́жениями́ во вре́мени (discrete shifts). Шага́ми, понима́ете? По все́й ле́стнице́ пра́дков. Получи́лось хоро́шо. Ко́т как ко́т. Вы ви́дели. За́тем я изгото́вил большо́й брасле́т (bracelet) и поше́л сам, но ко́нчилось э́то нехоро́шо... В на́шем роду́ серде́чные боле́зни — насле́дственные́ (inherited)... Ви́дите ли, Дима, — при дви́жении́ вре́мя размы́то (blurred), нече́тко, как шпа́лы, е́сли смотре́ть из ваго́на по́езда на ходу́. Ка́кие-то микро́секунды́ я был во второ́м поколе́нии, и в пе́рвом, и в нулево́м, то́ есть сво́ём, — однове́ременно. На́до же бы́ло случи́ться, что́бы имен́но внут́ри э́тих микро́секунд

у меня начался сердечный приступ (heart attack). Я упал с кресла и оборвал браслет. Процесс остановился. К счастью, изменённой осталось только внешность... Я никогда не занимался боксом, Дима, никогда. Дед Никифор был борцом и боксёром (wrestler and boxer)...

— Как же на работе? Вас ведь, наверно, и не узнали?

— Ну, какая теперь работа!.. По моим подсчётам (I reckon), мне осталось немного, Дима. Это дело успеть бы кончить, и всё... Решайтесь, Дима. Ваше сердце выдержит...

Я не мог отказаться. Я хотел быть храбрым и мужественным. Мне нравилось, что я как космонавт перед стартом, что мне предстоит настоящее дело, в котором можно испытать себя всерьёз.

И всё-таки я почувствовал, что трушу (became cowardly), когда Гришин надел на мои руки браслеты. А он взял на руки котёнка Васюку и сказал, что кот только вчера уходил в прошлое.

— Как видите, благополучно... Ну, счастливо, Дима. Вы храбрый человек.

Я хотел улыбнуться, но не смог. Я ощущал на запястьях (wrists) браслеты, и вдруг все вообще ощущения исчезли, исчезло ощущение жизни... Я задохнулся (gasped) внезапно — как будто получил удар в солнечное сплетение (solar plexus)... Молот Времени колотил меня в самое сердце...

...Чужой. Запах чужой. Небывалый (unaccustomed).

Лежу. Кричат птицы, ближе, ближе. Запах чужой, ужасный. Лежу в больших листьях. Один. Со слёз капает.

Страшно.

Ветер дует от них. Они подходят. Много их. Но пальцев у меня на руке больше. Несут рубила * (stone axe). Как мы. Но запах чужой. Ветер дует от них.

Вожак (leader) прыгает, бьёт рубилом. Убил змею (snake). Боятся змей, как мы. Запах сжимает мой живот.

Проходят. Ползу за ними. Лук (bow) тащю по листьям.

Чужих надо убить. Чужие страшнее, чем змеи, страшнее, чем ночь. Они пахнут не так, как мы. Надо убить. Одному мне нельзя. Их много. Свои не услышат меня. Они далеко.

Догнал. Чужие сидят, оглядываются. Великий Огонь покрыл их пятнами (spots). Легли. Вожак сидит, оглядывается, нюхает (sniffs). Чужой. Мы так не нюхаем.

Я лежу в болоте (swamp). Отрываю от себя пиявок (leeches). Лук лежит на сухих листьях.

В лесу треск (crack). Вожак ложится. Идут Носатые (long-nosed). Братья. Идут пить воду к реке. Лес трещит.

Я ползú (сгеер) назад. В маленькую реку. Бегú по воде. Запах чужих бежит за мной. Чужих надо убить. Они чужие — вот почему. Вот пещера (save). Отцы прячутся за камнями. Держат луки, оглядываются. Бегú по камням. Вижу, что матери и сестры скрываются в пещере. Мне — хорошо. Они — свой, они меня слышат. Старшие матери и старик Киха бьют маленьких, гонят их в пещеру. Маленький брат Заа отрывает пиявку от моей ноги, ест. Наша мать гонит его в пещеру.

Беру стрелы (agrows). Женщины закрывают вход камнями. Становится темно, как перед смертью Великого Огня.

Мы бежим по воде. Все мужчины. Выбегаем в лес.

Ветер приносит запах чужих. Выбегаем из больших листьев. Нас очень-очень много. Больше, чем пальцев у меня на руках. Выбегаем. Чужие вскакивают, кричат визгливо (squeal), как птицы. Быстро бегут, рубила на плечах. Очень быстрые ноги у чужих. Но Юти кричит: «И-ха-а-а!» Много стрел. Вожак догоняют стрелы, он бежит. Другие падают. Вожак дергается, вынимает из себя стрелу. Смотрит. Падает. «И-и-ха-а — ха-а!» — кричит Юти. Я бегу и держу рубило над головой, чтобы ударить вожака, но что-то бьет меня в грудь, и я как со стороны вижу серое рубило, которое медленно падает на вожака, и вижу, что Великий Огонь умирает...

Я сидел в мягком кресле, дрожал и задыхался от боли в груди и бедрах (sides). Откуда-то доносился знакомый голос.

Я медленно поднялся. Боль прошла, и дышать стало легче. Я вдохнул запах настоящего — пыль, бензин, кошачья шерсть (cat's fur) — и увидел белое безволосое (hairless) лицо перед собой. Чужой стоял напротив и протыгивал мне блестящий предмет, который — я знал — называется микрофоном. Чужой всматривался в меня и бормотал (murmured) что-то успокоительное. Непонятное. Чужбё.

Опять боль. Я стоял и следил за болью, как будто во мне были два человека. Один тот, кто знает слово «микрофон» и много других слов, ненужных сейчас, — и другой, знающий только боль и ужас (terror) и готовый убивать, чтобы защитить свою боль и свой ужас.

— Дима, что с вами?

Я хотел ответить, но в той во мне прокричал: «Ки-хит-хи!» — непонятный крик боли и страха. Моя рука быстро ударила чужбого. Безволосое лицо исчезло.

Это было ужасно. Бил той, тот, кто испытывал боль и страх, но удар нанесла моя рука. Тяжелый апперкот правой в челюсть (jaw); и я думал: хорошо, что удар получился не в полную силу.

...Человѣкъ хрипѣлъ гдѣ-то внизú, у моихъ ногъ. Боль отхлынула (died away), какъ тѣмная вода. «Его́ зову́тъ Ромуа́льд», — вспомнилъ одинъ изъ двухъ моихъ внутреннихъ близнецовъ, а в т о р о й опять крикнулъ: «Ит-хи!», и я по́няли: «Чужо́й».

Человѣкъ лежалъ на полу́ и хрипѣлъ (wheezed).

Я наклонился́ к бѣлому лицу́. Сейча́с же появи́лась боль, и тот, в т о р о й, хотѣлъ ударить лежашаго ногой в високъ (temple), но Я отвѣлъ ударъ в сто́рону, и нога́ попада́ла в се́тку. Заора́лъ полоса́тый кот. Я назва́лъ его́ по имени: «Тща́-ас». Выпрямился. Боль исче́зла. Что́бы помо́чь Ромуа́льду, на́до бы́ло нагну́ться, но я уже́ зна́л: боль и страхъ то́лько э́того и ждутъ.

Ромуа́льд лежалъ на полу́ с микрофо́ном в одной́ рукѣ и с браслѣ́тами в друго́й. Но я не сме́лъ нагну́ться к нему́.

Из-за моёй спины́, от прихо́жей (entrance hall), потяну́ло но́вым за́пахомъ, Я за́мер. Стоя́л, ждалъ.

Звонокъ прозвенѣлъ в прихо́жей — ко́ротко и насто́йчиво (insistently). И за́пахъ сталъ сильнее́ и насто́йчивее, Я оттолкну́л кресло́, на цы́почках (on tiptoe) подоше́л к две́ри. Ми́мо меня́ промча́лся че́рный котъ.

Я, тот, кто былъ в насто́ящемъ, откры́л дверь, но то́лько в т о р о й, из про́шлого, зна́л, заче́м Я э́то де́лаю. В т о р о й пригото́вился убива́ть.

Из-за две́ри шагну́ла де́вушка. Она́ посмотре́ла на меня́. Два челове́ка во мнѣ улови́ли (caught) ра́зные за́пахи: одинъ вы́делилъ за́пахи пúдры (powder), духо́в (perfume), мы́ла, оде́жды; друго́й — за́пахъ жѣ́нщ и н ы.

— Здра́вствуйте, — проговори́ла де́вушка. — Мне́ ну́жен това́рищ Грѣ́шинъ.

Де́вушка спроси́ла, выговаривая́ ка́ждый слогъ:

— Где Ро-му-а́льд Пе-тро́вич?

Сейча́с же из кабинѣ́та разда́лся го́лосъ:

— Ромуа́льд Петро́вич здес́ь бо́льше не живѣ́тъ!

Щѣ́ки де́вушки вспы́хнули румя́нцем (flushed). Она́ поверну́лась и застуча́ла каблучка́ми (heels) по ле́стнице. Я закры́л дверь и прислони́лся к прохладно́й стене́ спиной́. Я весь горѣ́лъ, но в то́ же вре́мя чу́вствовалъ огро́мное обле́гчение́ (relief). Всѣ́. Я слома́лъ его́, своего́ в т о р о г о. Я победи́лъ его́...

— Дверь плóтно закры́ли? — впло́гблоса (in a low voice) спроси́л Грѣ́шинъ.

Я кивну́лъ, не дви́гаясь с ме́ста.

— Тогда́ пойдѣ́мте, сде́лаю вам ана́лизы.

Он всё-таки́ был желе́зный. Как ни в чёмъ не быва́ло (as if nothing had happened) он устанавли́вал на столе́ микро́скопъ, раскла́дывал тру́бочки, сте́клышки...

Я сел в кресло, вытянул ноги.

— Простите меня, Ромуальд Петрович.

— Пустяки. Мы с вами квиты (quits). Рук дайте. Левую. Гришин брал у меня кровь на анализ, мят мой безымянный палец (fourth finger).

— Почему вы ни о чём не спрашиваете?

— Не нужно мне. Я врач. Прошлое меня не интересует. — Он выпустил мою руку и занялся микроскопом.

Боль поднималась снова. Её разбудил запах крови. Я с трудом преодолел желание разбить вдребезги (smash to pieces) все эти стёклышки и трубочки...

— А что же вас интересует? — спросил я.

— Реакция психики.

Я сидел с закрытыми глазами. Боль стихла, но я боялся, что она может вернуться снова. Время стало сонным и длинным, как затянувшийся зевот (yawn). Мы разговаривали, и мне казалось, что разговор наш происходит во сне.

— Вы тоже испытали (experienced) это?

— Да, и это.

— Что же теперь?

— Дима. Теперь вы забудьте обо мне.

— Не смогу.

— Придется забыть. Это моя просьба. Категорическая просьба.

— Категорических просьб не бывает.

— Неважно. Придется забыть.

— А если я не выполняю вашей просьбы?

— Вы должны. Вы хороший парень.

— Странный довод (argument).

— Нисколько. Я раскрою карты (show my cards). Опыт ставился с единственной целью — проверить психические реакции после возвращения из прошлого. Вы подтвердили мой опасения (fears). У человека остаются худшие воспоминания, атавистическая жестокость (cruelty). Мне кажется, что палачи (hangmen) и убийцы давно владеют моим секретом. Это изобретение бесполезно. Вредно. Следовательно, человечеству не надо знать о нём. И вы забудете. Навсегда.

— Нет. Нет и нет. А великие люди? Их можно было бы увидеть, узнать подробнее о их жизни. Шекспир, Ньютон, Чехов, Эйнштейн... По-моему, вы противоречите (contradict) самому себе.

— Нисколько. Эти люди опережали (were ahead of) своё время, они здесь и долго ещё будут с людьми. И вот что ещё. Они были совсем недавно. Вчера. Час назад. Сию минуту. Мой аппарат работает в н а с т о я щ е м прошлом.

— Чепуха (nonsense)! — сонно сказал я. — Ой, чепуха!

— Всё изменяется, — сказал Грiшин. — В с ё изменяется. Вы обещаёте молчать? Нужно. Теперь идите спать. Идите за мной.

Грiшин провёл меня по коридору и уложил на диван в маленькой прохладной спальне. Уже сквозь сон я пробормотал:

— Что это за девушка приходила? Храбрая девушка... Разбудите меня через час...

— Разбужу, — сказал Грiшин. Я заснул.

Было темно и тихо, когда я проснулся. Из форточки (window) пахло тающим снегом. Я немного замёрз.

Как же это Грiшин меня не разбудил? Обещал и не разбудил.

Я пошёл к нему в кабинет. Открыв дверь кабинета, я сразу увидел мёртвенно зелёное лицо Грiшина в тени зелёного абажура, разбитую чашку на полу, валяющийся на полу микроскоп и рассыпанные по полу пилюли. Я бросился к нему и схватил его тяжёло висевшую руку, пытаюсь нащупать пульс. Пульса не было. Мне мешал браслёт, надетый на запястье. Я отодвинул его, но сколько ни двигал большим пальцем по запястью, обнаружить биение пульса не мог. Значит, всё... Тут я заметил, что провод, соединявший браслёт с аппаратом, перерезан, и под бессильно повисшей правой рукой Грiшина увидел на полу обсидиановый нож. Я обошёл кресло, поднял нож и положил его во внутренний карман пиджака. Он тут же распорол подкладку (ripped the lining) и провалился, зацепившись за карман ручкой (handle). Записка. Под лампой лежала записка. Я схватил её.

«Дорогой Дима! — прочитал я. — Мне совсем плохо, конец. Пытаюсь уйти т у д а. Провод перерубится (will break), когда потеряю сознание. Вызовите «Скорую помощь». Вы привели незнакомца с улицы, больного. Напоминаю: вы обещали молчать. Снимите браслёт и спрячьте нож. Прощайте».

Я стал сматывать провода (wind up the wires). Они тянулись к подоконнику. Там, за шторой, стояла маленькая белая коробочка, которая ни к чему больше не была подключена. Она была похожа на толстый портсигар. Я затолкал браслёт с проводами и коробку в карманы и пошёл звонить в скорую медицинскую помощь. Телефон был в соседней комнате.

Я не заметил, сколько прошло времени до того момента, когда в передней раздался длинный звонок.

Пришли девушка-врач и два парня-санитары *.

...«Паралич (paralysis) сердца». Эти слова, произнесённые врачом, ничего не прибавили к тому, что я уже знал. Потом вопрос ко мне:

— Вы родственник?

— Нет. Я привёл его с улицы. Помог...

— Ва́ша фа́милія, а́дрес.

Я соо́бщил свою́ фа́милію, і́мя и о́тчество, а́дрес...

— Вам приде́тся дожда́ться мили́ции.

— Хоро́шо, — сказа́л я.

Но вра́ч посмотре́ла на меня́ и сказа́ла:

— Пу́сть иде́т. Иди́те, на́терпелись (suffered) ни за что́.

Я сдё́рнул (jerked) с ве́шалки (hanger) пальто́, спусти́лся по ле́стнице и, не огля́дываясь, проше́л ми́мо маши́ны «Ско́рой по́мощи». Обсиди́ановый нож прижи́мался к моему́ те́лу, и е́сли бы я наклони́лся, он распо́рбил бы мне живо́т... Почему́ Грѣ́шин молча́л о своём п р о ш л о м, почему́ не сказа́л ниче́го — как доста́лся ему́ обсиди́ановый нож? Почему́ я тогда́, в кабинéте (я тепе́рь вдруг вспо́мнил), по́сле возвра́щения о т т у д а ощуща́л сму́тный (confused), скве́рный (unpleasant) за́пах от ножа́? Это бы́ло та́к же, как е́сли бы я принёс из своего́ про́шлого се́рое руби́ло, — но как он принёс нож? Ч т о о н д е л а л э т и м н о ж о м ?

Конéчно, бу́ду молча́ть, реши́л я, но в то́ же вре́мя я уже́ знал, что мне предстои́т разрабо́раться (get to know) в устро́йстве ма́ленькой бе́лой коро́бки.

Дипло́мная рабо́та, a diploma paper which the students write in their last year of college. The mark for this paper is registered in the diploma.

Оте́чественная война́, the Great Patriotic War of 1941—1945, just war of liberation of the Soviet people against fascist Germany

Георгиевский кавале́р (*hist.*), bearer of the «George Cross»

у́рядник (*hist.*), Cossack noncommissioned officer in the Tsarist army.

руби́ло, an implement of labour of primitive man

санита́р, junior medical assistant

А. Стругацкий, Б. Стругацкий

Чрезвычайное происшествие

Перелёт подходил к концу. Меньше чем через сутки космолёт * прибывал на космодром в кратере (crater) Ломоносова *, затем неделя карантина и Земля — полгода отпуска, полгода синего моря, зелёных лугов, залитых солнцем.

Штурман космолёта Виктор Борисович улыбнулся, перевернулся на другой бок и сладко зевнул (yawned). До вахты (watch) оставалось два часа. Виктор Борисович задремал (dozed off). Внезапно странный звук разбудил его. Где-то рядом гудел шмель (bee).

— Не может быть, — громко и уверенно сказал Виктор Борисович.

Он поднялся с постели и включил лампу. Шмель умолк. Виктор Борисович огляделся и увидел на белой простыне чёрное пятно (spot). Это был не шмель. Это была муха (fly).

Муха сидела неподвижно. Она была совсем чёрная, с растопыренными (spread) крыльями. Виктор Борисович осторожно подвёл к мухе ладонь и поймал её. Он поднёс кулак к уху. В кулаке гудело (buzzed) точно так же, как в детстве, когда пятилетний Виктор ловил в кулачок и слушал тёмно-серых земных мух.

— Муха в космолёте, — сказал вслух Виктор Борисович. — Вот это да! Надо показать её Туммеру.

Действуя одной рукой, он надел брюки, выскочил в коридор и пошёл в рубку (operating cabin), где нес вахту (was on duty) Туммер.

— Здравствуй, Тум,— войдя сказа́л Ви́ктор Бори́сович. Туммер посмотре́л на него́ и кивну́л (nodded).

— Ну-ка, угада́й, что у меня́ здесь! — Ви́ктор Бори́сович осто́рожно потре́с (shook) кулако́м.

— Дирижа́бль (airship),— сказа́л Туммер.

— Нет, не дирижа́бль,— возрази́л Ви́ктор Бори́сович.— Му́ха!

— Ферри́товый накопи́тель (ferrite accumulator) раба́тает пло́хо,— скучным го́лосом сказа́л Туммер.

— Ла́дно, я посмотре́ю,— сказа́л Ви́ктор Бори́сович.— Ты понима́ешь, она́ меня́ разбудила. Она́ гуди́т, как шмель.

— Ви́ктор,— сказа́л Туммер,— ну что у тебя́ за лица́?

В рубку вошёл капита́н космоле́та Константи́н Ефре́мович Станке́вич и сле́дом борти́нжене́р Ли́дин.

— Я же говори́л — не спи́т,— сказа́л Ли́дин, показыва́я па́льцем на шту́рмана.

— С ним что́-то случи́лось,— флегмати́чно заме́тил Туммер.— Посмотрите́ на него́.

Ви́ктор Бори́сович объяви́л:

— Я пойма́л му́ху.

— Ну да? — удиви́лся Ли́дин.

— Я спать пойду́,— сообщи́л Туммер.— Ви́ктор, принима́й ва́хту (take over).

— Подожди́,— сказа́л Ви́ктор Бори́сович.

— А ну, покажи́,— потре́бовал Ли́дин. Вид у него́ при э́том был тако́й, сло́вно он никогда́ в жи́зни не ви́дел мух.

Ви́ктор Бори́сович осто́рожно просу́нул в кула́к два па́льца ле́вой руки́.

— Отку́да на корабле́ му́ха? — спроси́л капита́н.

— Не зна́ю,— отве́тил шту́рман. Он держа́л му́ху за но́жки двумя́ па́льцами.— Она́ жу́жит (buzzes) соверше́нно как шмель,— сообщи́л он.

— Осто́рожно, Ви́ктор,— сказа́л Ли́дин,— ты слома́ешь ей но́гу.

— Все́-таки отку́да на корабле́ му́ха? — повто́рил свой вопро́с капита́н.— Ме́жду проче́м, э́то ва́ше де́ло, Ви́ктор Бори́сович.

Шту́рман выполня́л на корабле́ обяза́нности сле́саря.

— Вот и́менно,— сказа́л Туммер.— Принима́й ва́хту, слы́шишь?

— Слы́шу,— отве́тил шту́рман.— Ещѐ де́сять мину́т оста́лось. На́до показа́ть му́ху Ма́лышеву. Он то́же да́вно не ви́дел мух.

— Мухоло́в (fly catcher),— сказа́л Туммер презри́тельно (with contempt).

Капита́н засме́ялся. Дверь отвори́лась, и в рубку вошёл Ма́лышев. У него́ был расте́рянный (perplexed) вид.

— Дело в том, что... — начал он и остановился, увидев муху в пальцах штурмана. — Можно? — спросил он, протягивая руку.

— Муха! — с гордостью сказал Виктор Борисович. Малышев взял муху за крыло, и она загудела на всю комнату.

— У неё восемь ног, — значительным тоном сообщил Малышев.

— Ай-яй-яй, — сказал Туммер. — И что же теперь будет? Виктор, принимай вахту. Я спать хочу.

— Это не муха, — сказал Малышев.

— А что же это? — спросил штурман несколько раздражённо (irritably).

— Послушайте, — сказал Малышев. — Какие у вас есть дезинсекторы (insecticides)? И ещё мне нужен микроскоп (microscope). Пойдёмте в мою каюту (cabin). Я покажу вам кое-что.

Туммер сказал им вслед:

— Смотрите, не уроните её.

В коридоре Лидин вдруг закричал: «Муха!» Они увидели муху, ползущую по стене под самым потолком.

В каюте биолога их оказалось целых три. Одна сидела на подушке, две другие ползали по стенкам большого стеклянного баллона. Лидин, войдя последним, хлопнул дверью, и мухи поднялись в воздух, гудя как шмели.

— Это не земные мухи, — повторил биолог.

— Нужен дезинсектор, — сказал капитан. — Что у нас есть?

— Есть «Леталь», — сказал штурман.

— Хорошо, — сказал капитан. — Я сам это сделаю. Ступайте помойте как следует руки.

Малышев всё ещё рассматривал муху, держа её у самого носа. Виктор Борисович видел, как сильно дрожат (tremble) его пальцы.

— Бросьте вы эту гадость (filth), — сказал Лидин. Он уже стоял в коридоре и то и дело озибался (looked around).

— Она мне нужна, — ответил Малышев. — Вы же не поймаете вторую.

В ванной Виктор Борисович торопливо снял рубашку, бросил её в мусоропровод (garbage chute) и кинулся к умывальнику...

Произошло самое страшное, что может произойти на космолёте. Это бывает очень редко, но лучше бы этого не случилось никогда. У космолёта недаром (not without reason) такие толстые и прочные стены, и всё, что за эти стены проникает (penetrates), смертельно опасно. Всё равно что — метеорит, жесткие излучения (hard radiation) или восьминогие мухи.

Виктор Борисович вышел в коридор. По потолку ползали мухи. Их было много, штук двадцать. Навстречу шёл Лидин.

— Откуда они берутся? — спросил он. — М-мерзость (disgusting).

Из-под ног его с гудением взлетела муха, и он остановился, подняв над головой кулак.

— Спокойно, бортинженер, спокойно,— произнёс Виктор Борисович.— Куда ты?

— Мыться.

Виктор Борисович забежал в свою каюту, надел свежую рубашку и куртку и отправился в рубку. У дверей мимо его лица пролетела стайка (flock) чёрных мушек (little flies).

В рубке на столе перед вычислителем (calculator) стояла стеклянная баночка, наполненная жидкостью, в которой плавала муха. Малышев, видно, помыл ей крылья, и она не могла взлететь, только время от времени гудела густым басом. Станкевич, Туммер и Малышев стояли у стола и глядели на муху. Виктор Борисович тоже подошёл к ним.

Мутная жидкость в баночке была дезинсектором «Леталь», убивавшим насекомых в одно мгновение. Он мог бы убить и быка. Но восьминогая муха об этом, очевидно, не только не знала, но даже и не догадывалась (guess). Она ожесточённо (furiously) крутилась в «Летале», время от времени злобно гудела.

— Пять с половиной минут,— сказал Туммер.— Что же ты, голубушка (my dear)? Пора.

— Может быть, есть какой-нибудь другой дезинсектор? — спросил Малышев.

Виктор Борисович покачал головой и посмотрел на муху в банке. Муха плавала и отвратительно (abominably) гудела. Он вздохнул и сказал:

— Тум, сдавай вахту.

Приняв вахту, он доложил капитану о смене. Станкевич расcеяннo (absently) кивнул.

— Где Лидин? — спросил он.

— Мбется.

— Дезинфицируется,— сказал Туммер.

— Слушайте меня,— сказал капитан.— Всем надеть защитные спецкостюмы. Сделать прививку против песчаной горячки (injection for sand-fever). Далее. «Леталь» не годится. Но не исключено, что на этих мух действует что-нибудь другое. Как вы думаете, товарищ Малышев?

— Что? — оторвался Малышев от созерцания (contemplation) мухи и поспешно сказал: — Да, возможно. Не исключено.

И снова стал смотреть на муху.

— У нас есть петронал, буксил, нитросиликель... сжиженные газы... Опыты проведём в медицинском отсеке. Я могу рассчитывать на вас, товарищ Малышев?

— Я в вашем распоряжении (I'm at your service),— быстро откликнулся Малышев.— Но мне нужен микроскоп.

— Микроскоп в медицинском отсеке. Вы остаётесь в рубке, Виктор Борисович. Спецкостюм вам принесут.

— Хорошо,— сказал Виктор Борисович. Послышалось звонкое бодрое гудение. Все посмотрели на потолок. Там с победным воем летала большая чёрная муха.

Спецкостюм Виктору Борисовичу принёс Туммер. Он быстро приоткрыл дверь, прыгнул через комингс и захлопнул дверь. На секунду в рубку ворвался стонущий вой. Туммер откинул с головы спектролитовый колпак.

— В коридоре полно мух — сказал он.

Он достал шприц и впрыснул штурману сыворотку (injected a serum) против песчаной горячки — единственной внезапной инфекционной болезни, против которой имелось противоядие (antidote).

— Как там наши? — спросил Виктор Борисович, опуская рукав.

— Станкевич злой как чёрт,— сказал Туммер.— Этих мух ничто не берёт. А Малышев в восторге (delighted). Рёжет мух и разглядывает в микроскоп их внутренности (insides). Говорит, что в жизни не представлял себе ничего подобного. Говорит, что у этих мух нет ни глаз, ни рта, ни пищевода (gullet), ни чего-то там ещё (something else). Говорит, что не может понять, как они размножаются (reproduce)...

— А он не говорит, откуда они взялись?

— Говорит. Он считает, что это споры (spores) неизвестной формы жизни.

Говорит, что они миллионы лет носились в Пространстве, а в корабле нашли благоприятную (favourable) среду. Он говорит, что нам повезло. Таких случаев ещё не бывало.

— Блуждающая жизнь (wandering life),— сказал штурман и стал влезать в защитный спецкостюм.— Я слышал об этом. Но я как-то не думаю, что нам повезло. Кстати, как они могли попасть в космолёт?

— Помнишь, неделю назад Лидин вылезал наружу (went outside)?

— А может быть, они с Титана?

— Малышев говорит, что на Титане нет восьминогих мух. Да не всё ли равно? Скажи спасибо, что это не осы (wasps).

Туммер ушёл, снова прыгнув через комингс, и захлопнул за собой дверь. Виктор Борисович сел у пульты. В спецкостюме и спектролитовом колпаке он чувствовал себя в безопасности и даже принялся что-то напевать себе под нос. Под потолком уже

носілись десятки мух, нѣкоторые крутілись перед телеэкраном и ползали по лѣнтам записи контрольной системы. Но их гудѣния не было слышно: спецкостюм обладал хорóшей звукоизоляцией.

На пульте управлѣния, прямо у локтя (elbow) штурмана сидѣла мұха. Вѣктор Борісович прицѣлился и прихлопнул (swatted) её ладо́нью в силикѣтовой перчатке. Вѣктор Борісович, наклонившись, с любопытством оглядел её. Чѣрная мұха. Вóсемь ног... Гадость (filth), конечно, но почему оні опасны? Ни одно насекомое само по себѣ не опасно, опасны инфе́кция или яд, а инфе́кции или яда мо́жет и не б́ыть.

Штурман оберну́лся. Листок бума́ги, лежавший на столѣ, упал на пол и, крутясь, полетѣл к двѣри. Дверь в коридор была приоткрыта.

— Эй, кто там? — крикнул Вѣктор Борісович. — Закройте дверь!

Он подождáл немно́го, затѣм поднялся и вы́глянул в коридор. В коридоре ползали и летáли мұхи. Их было так мно́го, что стѣны и потоло́к казались чѣрными. Вѣктор Борісович брезгливо поморщился (wrinkled his lip in disgust) и закры́л дверь. Взгляд его упал на листок бума́ги у ко́мингса. Како́е-то смұтное подозрѣние (vague suspicion) мелькну́ло у него в голове́. Тень дога́дки (faint guess).

Нѣсколько секунд он сто́ял молча.

В рубке ста́ло замѣтно темнѣе. Плóтныи тучи (clouds) мух висѣли под потоло́ком. Вѣктор Борісович посмотре́л на часы. С нача́ла биологической а́таки прошло́ полтора́ часа́. Он посмотре́л на до́хлую (dead) мұху на пульте. Снача́ла ему́ показáлось, что это совсе́м другая мұха. Но друго́й тут быть не могло́. Мұха шевели́лась. Она́ была́ покры́та мельча́йшей чѣрной мошкаро́й (midges). Их было́ десятка́ три, и оні расползáлись в сто́роны по гла́дкой свѣтлой пове́рхности пу́льта. Оні ещё не могли́ летáть.

Это продолжа́лось мину́т де́сять, не ме́ньше. Штурман смотре́л не отрыва́ясь (never removing his gaze) на до́хлую мұху. На бывшую до́хлую мұху. Бы́ло ви́дно, как шевѣлится её нога́. Присмотре́вшись внима́тельнее, штурман уви́дел, что она́ вся покры́та мельча́йшими по́рами (pores), и из ка́ждой по́ры торчи́т (protruded) голо́вка микроскопической мұшки. Оні вылезáли прямо́ из те́ла. «Вот почему́ оні так бы́стро размножа́ются», — подумал Вѣктор Борісович. — «Оні просто́ вылезáют друг из дру́жки (one out of the other). Ка́ждая кле́тка несёт в себѣ зарóдыш (embryo). Эту мұху просто́ невозможно́ убить»...

Мошкара́ ползала по пу́льту, по кно́пкам, по прозра́чной пластмáссе приборóв. Мошек было́ мно́го, и нѣкоторые уже́ пыта́лись взлетѣть.

В рубку вошли четверо в блестящих силикатовых костюмах и серебристых шлемах (helmets).

— Зачем вы открыли дверь, Виктор Борисович? — спросил капитан.

— Дверь? — удивился Виктор Борисович. — Я не открывал её.

— Дверь была открыта, — сказал капитан.

Виктор Борисович пожал плечами.

— Я не открывал дверь, — повторил он.

Он посмотрел на дверь и увидел ключок (scrap) бумаги у комингса, и снова смутная догадка (faint guess) мелькнула у него в голове.

Лидин сказал нетерпеливо:

— Давайте решать, что делать дальше.

— Я всё-таки не понимаю, — сказал Туммер. — Я убивал их, топтал ногами, но покажите мне хоть однудохлую муху.

— Не ищи, — сказал штурман. — Даже не пробуй.

— Это почему же?

Виктор Борисович увидел, что дверь снова тихо приоткрылась. Бумажка на полу взлетела, словно пытаясь перепрыгнуть через комингс и снова бесильно опустилась на пол.

— Я потом расскажу. Потом, когда всё кончится.

Виктор Борисович подошёл к двери, закрыл её и вернулся к столу.

— Слушайте, — сказал он. — Я, кажется, всё понял.

Он опять пошёл к двери, нагнулся и зачем-то потрогал пальцами ключок бумаги у комингса.

— Что ты понял? — спросил Туммер.

— Вы знаете, почему открывалась дверь?

— Какая дверь, штурман? — нетерпеливо спросил капитан.

— Какая дверь? — спросил Туммер.

— Вот эта, дверь в коридор. А теперь она не открывается.

— Ну?

— Вот в чём дело, — торопливо заговорил Виктор Борисович. — Дверь открывается наружу (out), так? В коридоре падает давление, (pressure), так? Избыток (excess) давления в рубке выталкивает (pushes) дверь. Всё очень просто. А теперь избытка давления нет.

— Интересно, — сказал капитан.

— Ничего не понимаю, — сказал Туммер.

— Мухи!

— Ну, мухи, — сказал Туммер. — Ну и что?

— Мухи жрут (eat) воздух! Вот откуда они берут живой вес (gain weight). Они жрут кислород (oxygen) и азот (nitrogen).

Биолог издал неясное восклицание (exclamation), а капитан

повернулся к приборам циркуляционной системы. Несколько минут он вглядывался (watched) в приборы, яростно смахивая (brushing off) мух. Все молчали. Наконец капитан выпрямился.

— Расходомеры показывают,— медленно сказал он,— что за последние два часа на корабле израсходовано около центнера жидкого кислорода.

— Ну и твари (vermin),— сказал Лидин.

— Слушать меня,— сказал капитан.— Я решил очистить корабль от мух.

— Каким образом? — спросил Малышев.

— Мы наденем скафандры, поднимем в корабле давление с помощью жидкого водорода, откроем люки, и ток сжатого водорода (stream of compressed hydrogen) выбросит эту гадость в Пространство.

— Здорово,— сказал Лидин.— Мы избавимся (get rid of) от мух.

— Пойдёмте за вакуум-скафандрами,— сказал Станкевич. — Лидин, вы поможете Малышеву надеть скафандр. Туммер, прекройте (stop off) по кораблю циркуляционную систему. А вы, Виктор Борисович, подготовьте корабль к обработке вакуумом и сверхнизкими температурами. Готовность доложить (report readiness) через десять минут.

Виктор Борисович направился к выходу, размышляя (wondering), что произойдёт, если хоть несколько мух попадёт на Землю. Землю ведь не обрабатываешь вакуумом и сверхнизкими (super-low) температурами...

Через десять минут всё было готово. Все надели скафандры прямо на спецкостюмы. Собрались в рубке. Капитан спросил:

— Туммер, циркуляция?

— Выключена.

— Штюрман, люки?

— Открыты. За исключением внешних.

— Лидин, состояние скафандров?

— Проверено, товарищ капитан.

— Начнём,— сказал Станкевич.

Виктор Борисович нагнулся к манометру. Давление в корабле упало на тридцать миллиметров, а ведь Туммер выключил циркуляционную систему всего несколько минут назад. Мухи пожирали (devoured) воздух и размножались с чудовищной (monstrous) быстротой. Капитан открыл подачу (feed) водорода. Стрелка манометра (pressure gauge) остановилась, затем медленно поползла в обратную сторону. Одна атмосфера... полторы... две...

— Есть у кого-нибудь мухи в скафандре или в спецкостюме? Проверьте! — сказал капитан.

— Пока нет,— откликнулся Лидин.

Снова наступила тишина. В наушниках слышалось только дыхание. Кто-то чихнул (sneezed),— кажется, Туммер.

— Будьте здоровы,— вежливо сказал Малышев.

Никто не ответил. Пять атмосфер. Чёрная масса на стенах тяжело заворобчалась (turned up). «Ага!» — злобно (maliciously) сказал Лидин. Шесть атмосфер.

— Внимание,— сказал капитан.

Виктор Борисович ухватился (took hold of) за пояс Малышева. Малышев ухватился за Лидина, Лидин — за кресло, в котором сидел Туммер. Капитан нажал кнопку. Четыре грузовых люка — широкие шторы, закрывающие грузовой отсек,— раскрылись мгновенно и одновременно.

Водородно-воздушная смесь под давлением в шесть атмосфер устремилась к люкам и в Пространство. В рубке закрутилась чёрная вьюга (whirlwind). И вдруг стало светло. Ярко, ослепительно (blinding) светло. Рубка стала прежней стерильно-чистой рубкой.

— Как хорошо! — произнёс в наушниках чей-то хриплый (wheezing) голос.

— Внимание! — приказал капитан. — Второй этап!

Затем был третий этап, и четвёртый, и пятый. Пять раз корабль наполнялся сжатым водородом, и пять раз вихри (whirlwind) сжатого газа промывали каждый угол в корабле. Затем корабль наполнился водородом в шестой раз. Капитан на полную мощность включил пылеуловители (dustcatchers), и только после этого в корабль был снова подан воздух.

— Вот и всё,— сказал Станкевич. — Пока, по крайней мере.

Он стащил (pulled off) с головы тяжёлый шлем скафандра. Его примеру последовали остальные.

— Может быть, всё это нам приснилось? — задумчиво сказал Лидин.

— Да, очень приятное сновидение (dream),— сказал Туммер.

Виктор Борисович помогал Малышеву освободиться от скафандра. Когда он стянул правый рукав, капитан вдруг сказал:

— А это что у вас, товарищ Малышев?

Библог спрятал руку за спину.

— Ничего особенного,— сказал он.

— Товарищ Малышев! — ледяным голосом произнёс капитан.

— Что, товарищ Станкевич? — отозвался библог.

— Дайте сюда эту штучку.

— Какую штучку?

— Не валийте дурака *, Малышев. Вы держите какую-то коробку.

— У него́ там му́хи! — восклицнул Вѣктор Бори́сович.

— Ну и что́ же? — оби́женно спроси́л Ма́лышев.

Ли́дин побеле́л.

— Немедленно уничто́жьте э́ту га́дость! В реа́ктор её, немедленно!

— Споко́йно, бортинжене́р, споко́йно, — сказа́л Вѣктор Бори́сович.

Ма́лышев су́нул (shoved) коро́бочку с му́хами в карма́н.

— Мне сты́дно за ва́с, това́рищи, — объяви́л он.

— Ему́ сты́дно за на́с! — возмуще́нно восклицнул Ли́дин. — Да вы представля́ете, что бу́дет, е́сли хоть одна́ му́ха попаде́т в земну́ю атмосфе́ру?

— Вы зна́ете, как они́ размножа́ются? — спроси́л шту́рман.

— Зна́ю. Ви́дел. Э́то всё чепуха́. — Ма́лышев сел в крѣсло. — Выслушайте меня́. Жизнь в Ко́смосе иногда́ быва́ет вражде́бна земно́й жи́зни, э́то пра́вда. Глу́по э́то отрица́ть. Если бы восьмино́гие му́хи угрожа́ли жи́зни и́ли хотя́ бы здоро́вью челове́ка, я бы пе́рвым потре́бовал отвести́ кора́бль подальше́ от Земли́ и взорва́ть его́. Но э́ти му́хи неопасны́. Небелко́вая жизнь не мо́жет — понима́ете? — не мо́жет угрожа́ть белко́вой жи́зни. Меня́ про́сто удивля́ет ва́ша неосведомле́нность (ignorance). И ва́ша, прости́те, нерво́зность.

— Малѣйшая ва́ша неосторо́жность, — упря́мо возрази́л Ли́дин, — и они́ распло́дятся (multiply) на Земле́. Они́ сожру́т всю атмосфе́ру.

— Пусть они́ да́же распло́дятся. Я беру́сь в два дня вы́вести (grow) два́дцать две ра́сы азо́тно-кислоро́дных ви́русов, кото́рые уничто́жат и мух, и их спо́ры, и двести́ два́дцать поколе́ний потомства́ (descendants).

Все молча́ли.

— Но вы хоть понима́ете, что нам повезло́? — спроси́л биолог.

— Нет, — отве́тил ему́ Станке́вич. — Ещё́ нет.

— Нет? Ла́дно, — сказа́л Ма́лышев. — Во-пе́рвых, в на́ших рука́х, — он похло́пал себя́ по карма́ну, — уника́льнейшие экзempláры небелко́вых существ. До сих по́р, как вы зна́ете, небелко́вая жизнь воспроизводи́лась иску́ственно. Понима́ете? Тепе́рь предста́вьте себе́ заво́д без маши́н. Гига́нтские инсекта́рии, в кото́рых с неверо́ятной быстротой́ пло́дятся и развива́ются миллиа́рды на́ших мух. Сырьё (raw material) — во́здух. Со́тни тонн перво́клас́сной неоргани́ческой клетча́тки (cellulose) в день. Бума́га, тка́ни, по́крытия (covering)... А вы говори́те — в реа́ктор.

Биолог замолча́л, вы́нул из карма́на коро́бочку и поднёс её к у́ху.

— Гудят,— сообщил он.— Уникальнейшие существа. Редчайшие...

Межпланетники переглянулись (exchanged glances).

— Биология — царица наук,— сказал Туммер.— Так-то, бортинженер.

Капитан поднялся.

— Всё хорошо, что хорошо кончается,— сказал он. Потом спросил: — Кто на вахте?

— Я,— ответил Виктор Борисович и посмотрел на часы. «Надо же,— подумал он,— ещё не кончилась моя вахта! Неужели прошло всего три часа?»

космолёт, spaceship

Ломоно́сов Михаи́л Васи́льевич, Mikhail Vasilievich Lomonosov (1711—1765), great Russian scientist, poet, historian and artist. His father was a peasant fisherman in North Russia. Lomonosov graduated from the St. Petersburg University. Was elected to the Swedish Academy of Sciences in 1760.

Became an honorary member of the Bologne Academy of sciences in 1764. Lomonosov was the founder of the Russian literary language, author of Russian grammar, creator of a new system of writing poetry. In 1755 Lomonosov was instrumental in founding the university in Moscow, which today bears his name.

валя́ть дурака́ (colloq.), to play the fool

**ФОРМУЛА
НЕВОЗМОЖНОГО**

*Научно-фантастические
рассказы*

Составитель
Валерий Степанович Лысенко

Книга для чтения
с комментарием
на английском
языке

Редакция «Литература для чтения»
Зав. редакцией Н. В. Зарецкая

Редактор Н. А. Ерёмина
Редактор перевода Е. Л. Цылёв
Художественный редактор Б. С. Казаков
Технический редактор О. И. Скребнева
Младший редактор М. С. Захряпина
Корректор Ю. Г. Яникова

ИБ № 1062

Сдано в набор 09.04.79. Подписано в печать 06.09.79.
А04364. Формат 60×84^{1/16}. Бумага газетная. Гарнитура
об. новая. Печать высокая. Усл. печ. л. 6,05. Уч.-изд.
л. 6,11. Тираж 108 000 экз. Заказ № 3991. Цена 43 коп.

Издательство «Русский язык». 103009, Москва, К-9,
Пушкинская ул., 23.

Набрано и сматрицировано в ордена Октябрьской
Революции и ордена Трудового Красного Знамени
Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома при Государственном комитете
СССР по делам издательств, полиграфии и книжной
торговли. Москва, М-54, Валовая, 28.

Отпечатано с матриц в типографии изд. «Звезда»,
г. Пермь, ул. Дружбы, 34. Заказ № 1165.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«РУССКИЙ ЯЗЫК»

